

ВЕЛИКИЕ И ЛЕГЕНДАРНЫЕ

100

ВЕЛИЧЕСТВЕННЫХ
ИМПЕРАТРИЦ,
КОРОЛЕВ,
КНЯГИНЬ

ИНСТИТУТ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Великие и легендарные (Клуб семейного досуга)

Коллектив авторов

**100 знаменитых любовниц
и фавориток королей**

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2018

УДК 93/94

Коллектив авторов

100 знаменитых любовниц и фавориток королей / Коллектив авторов — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018 — (Великие и легендарные (Клуб семейного досуга))

ISBN 978-617-12-4213-5

100 представительниц прекрасного пола, которые сумели покорить самых великих королей, императоров и сильных мира сего. Об их красоте и уме слагали легенды, они были жестокими и нежными, словно мифические нимфы. В их хрупких руках переплетались могущество и власть, из-за них начинали войны, к их ногам падали крепости, хотя она и оставались в тени своих великих покровителей. Прекрасные античные девы, изысканные аристократки, грозные правительницы, мудрые королевы. Елена Прекрасная, Клеопатра, Роксолана, Мария Гамильтон, Софья Потоцкая, Изабелла Баварская, Джоан Клиффорд, Барбара Радзивилл, Екатерина Первая — в каждой эпохе, от античности до XX века, были женщины, сумевшие использовать любовь как оружие и покорить не только сердца мужчин, но и целый мир.

УДК 93/94

ISBN 978-617-12-4213-5

© Коллектив авторов, 2018
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2018

Содержание

Древний мир	6
Елена Прекрасная	6
Семирамида	10
Лаиса	12
Барсина	14
Таис Афинская	16
Клеопатра	18
Береника	23
Средние века	26
Феодора	26
Фредегунда	29
У Цзэтянь (У Хоу)	32
Мария Склирена	35
Джоан Клиффорд	37
Эпоха возрождения	39
Леонора Теллеш де Менезеш	39
Изабелла Баварская	41
Одетта де Шамдивер	44
Агнесса Сорель	46
Антуанетта де Менъеле	49
Джейн Шор	51
Маргарита де Сассенаж	53
Симонетта Веспуччи	55
Лаура Дианти	58
Франсуаза де Фуа	60
Мария Болейн	62
Диана де Пуатье	64
Роксолана	67
Анна д'Этамп	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

100 знаменитых любовниц и фавориток королей

© ООО «Издательство “Аргумент Принт”», 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

Древний мир

Елена Прекрасная

Из женщин, чья красота повлекла за собой самые серьезные последствия, пожалуй, нет равных одной женщине-легенде – «прекрасной, лилейно-раменной» Елене Спартанской. «Она... воспламенила вождей, расколола мир войной и обрела позорную славу своей постыдной красотой», – сказал о ней древний поэт Иосиф Искан.

Древние биографы Елены приписывают ей полубожественное происхождение. Якобы Зевс, приняв образ лебедя, сочетался с царицей Спарты Ледой. По другой версии – с Немезидой, а Леда вместе с царем Тиндареем по воле Гермеса стали приемными родителями Елены. Иные же придерживаются более простого объяснения. В правила гостеприимства того времени входило принести в дар дорогому гостю свою жену на ночь. Так или иначе, ясно одно: отец девочки должен был обладать высокоблагородной, просто-таки неземной красотой, ибо дочь его стала на все века символом красоты совершенной, божественной.

Царь с царицей не меньше всех прочих были восхищены Еленой, видя в ней чудо света, – с молодых ногтей к девочке была приставлена специальная охрана. Эта опека потом ей изрядно надоест, хотя справедливости ради следует признать, что охота за «спартанским сокровищем», начавшись с самого рождения, никогда потом не прекращалась. Елена была похищена как минимум дважды: еще до Париса и даже до достижения зрелости Елену прямо из храма Артемиды во время отправления ритуала похитил и увез в Афины герой Тезей, который, не будучи в то время особо загружен подвигами, исполнил тем самым очередную прихоть своего дорогого друга Пирифоя (в другой раз он уведет для него из царства мертвых богиню Персефону).

Возвращать сестру пришлось Диоскурам – Кастору и Поллуксу, стоптавшим в поисках «чуда света» не одни сандалии. О местонахождении пленницы проболтался афинянин Академ. Братья были обескуражены: за сокровище во плоти не пришлось даже драться, Тезей не видел в нем никакой ценности. Да и сама Елена не заметила в своем заточении мало-мальского насилия, герой не только не воспользовался неземной красотой, но сразу же по возвращении в родные пенаты сбросил ее на руки своей матери. Во всяком случае, так она рассказала братьям. Проверять никто не стал, все были так рады возвращению пропажи, что пожарили и поверили на слово.

Ах, как наивны бывают люди! Истинное положение Елены было известно только Клитемнестре – ее старшей сестре, супруге Агамемнона, ибо к ней в Микены (по дороге домой) Елена заехала уже в положении. Откуда чадо? Все подумали – от Тезея, а Павсаний взял и записал. С тех пор Тезею приписывается незаконнорожденное дитя. Спасая Елену от позора в Спарте, Клитемнестра сделала больше, чем сестра: она приняла и воспитала маленькую Ифигению как собственную дочь. А вернувшийся из похода Агамемнон почему-то совсем не удивился и даже признал себя отцом.

До поры до времени все для красавицы шло как по маслу. Громкая известность, связанная с именем Тезея, после вояжа в Афины и обратно была обеспечена, о Елене узнал и мал, и велик – у всех появилась одна и та же тайная мечта. Цедрений в порыве спорадического вдохновения даже не постеснялся записать на огрызке пальмового листа яркие картины своего возбужденного воображения: «У нее большие глаза, в которых светится необыкновенная кротость, пурпуровый ротик, сулящий самые сладкие поцелуи, и божественная грудь». По-видимому, так и появилась эротическая поэзия. По всей ойкумене находчивые люди организовали целое производство чаш для алтарей Афродиты, вылитых «по форме груди Елены Прекрасной». Что говорить, сам Овидий, ни разу не видя объект описания, утверждал, что совершен-

ная красота Елены не нуждалась в других украшениях, носимых обычно гречанками, целомудрие же, мол, такой красавицы было обречено с самого начала: где бы сокровище ни спрятали, все равно бы кто-нибудь да нашел и... перепрятал.

Обстановка накалялась. На дворе Тиндарея образовалась толкучка из женихов, запись на сватовство растянулась на всю Элладу, включая архипелаги, острова и области в Малой Азии. Царь понимал: надо срочно снимать этот опасный ажиотаж, но как? Объявить состязание за руку и сердце дочери – да они же перебьют друг друга!

Как повелось у древних греков, что бы ни случилось, придерживайся правила номер один: во всех непонятных ситуациях зови Одиссея. Заручившись поддержкой Тиндарея в вопросе женитьбы на Пенелопе, «хитроумный» изрек убедительно звучащий совет: чтобы предупредить казавшуюся неизбежной резню, надо взять честное слово с каждого не враждовать с будущим избранником, а напротив, любить и всячески оберегать своего победителя до гробовой доски.

Дело не терпело отлагательств. Не дожидаясь даже возвращения Елены, слава которой мчалась впереди нее самой, Тиндарей решил провести ритуал клятвы с обязательным – для пущей убедительности – жертвоприношением. Так была зарезана самая породистая в Спарте лошадь. Клялись в буквальном смысле на крови – на теплых еще кусках мяса только что убиенного животного, место захоронения которых обрело в народе название «Лошадиная могила». Сделав это кровавое дело, Тиндарей уже собирался объявить результаты выборов мужа для дочери. Чтобы не поднялась потом спекулятивная шумиха о возможных фальсификациях, пришлось пойти на крайние меры и сделать фальсификацию невозможной в принципе – выбирал сам, единолично, без привлечения посредников. И вот настал долгожданный момент. Все кандидаты напряглись, сгустилась мучительная пауза.

И тут явилась Елена. Узнав, что здесь в ее отсутствие творится, она обвела своим небесным взором эту животрепещущую толпу и указала божественным перстом на одного белобрысого в третьем ряду. «Ммм... – замычал белобрысый, – Ммме-е... Ммменелай», – представился он, истекая потом от волнения. «Годится, – решила сиятельная невеста, которой как раз нужен был муж для отвода глаз от Ифигении, оставленной в Микенах. – С этим всегда можно будет договориться, если захочется другого».

Так Атрид Менелай получил прекрасную царевну и полцарства в придачу, унаследовав после смерти Тиндарея спартанскую корону. Всех же остальных, как это у древних греков вечно случается, постиг слепой рок.

За недолгую, но насыщенную семейную жизнь новобрачных в роду Атридов стало больше на одну девочку (ее называли Гермiona) и трех мальчиков (Этиол, Марафий и Плисфен). Больше плодов сие древо не дало.

Не каждая красота спасает мир. Превосходная красота вызывает чесотку на руках у тех, кто не может ее явственно осязать. Все только начиналось. В следующем акте на сцену выходит Парис.

Вообще-то Париса звали Александром, прозвище же он получил за то, что был найден в корзине, будучи брошен своими родителями. Дело было так.

Когда августейшая семья Трои ждала второго мальчика (первым был Гектор) и Гекуба, его мать, была уже на сносях, ей приснился страшный сон: будто из утробы ее выходит не ребенок, а пылающий факел, сжигающий Трою дотла. Спрошенный на всякий случай царем Приамом оракул не стал скрывать: так и будет. И от всего сердца дал добрый совет: чтобы не случилось лихого, царственная троянка должна быть умерщвлена немедленно. Приам сделал вид, что не вполне понял, но для очистки совести лишил жизни свою сестру Киллу, только что непонятно от кого успевшую родить Мунита, и самого бастарда заодно. Вечером того же дня разродилась Гекуба.

Увидев, с какой хитроумной гибкостью царь Илиона (как называли Троя греки) пытается обвести вокруг пальца самого себя, к уже спрошенному оракулу хором добавились и те, кого вообще никто и не спрашивал. Все в один голос по-хорошему просили: будь человеком, убей хотя бы сына! Приаму пришлось напрячь весь свой недюжинный интеллект и принять поистине соломонино решение. По его просьбе пастух Агелай отнес ребенка на гору Ида и оставил там на произвол судьбы. На Иде в те дикие времена жили одни медведи.

Но Парис еще нужен был богам для дела, важность которого переоценить было невозможно, – стереть с лица земли прекрасный город, – так что среди прочих медведей нашлась все-таки одна добрая медведица, которая оказалась сердечнее многих, вскормив человеческого детеныша заодно со своими мишками.

Повзрослев, Парис огляделся по сторонам и не нашел на этой Иде ничего лучшего как стать пастухом. На Олимпе было решено начинать представление.

Во время одного из олимпийских симпозиумов, где вино лилось рекой, богиня раздора Эрида как бы невзначай, но уже предвкушая последствия, бросила в толпу золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей». В итоге женское население Олимпа почти в полном составе показательно перессорилось, впрочем, не без удовольствия. Афродиту, Геру и Афину, ввязавшихся в драку за яблоко, отказался разнимать сам Зевс, резонно решив, что спокойнее будет передать право выбора... Парису. А что – прекрасный юноша, лишенный разлагающего влияния общества, выросший на лоне не менее прекрасной природы... Гермес получил указание отвести разгоряченных богинь на Иду – пусть Парис решает, кому из них ломать зубы о золотое яблоко.

Увидев милую троицу и выслушав сопровождавшего ее Гермеса, Парис, пасший в это время коров, лежа под деревом, обратил внимание делегации на свою крайнюю занятость, а впрочем... пожалуй, если богини перед ним разоблачатся, он смог бы уделить минутку-другую на рассмотрение ходатайства Громовержца.

Его предложение получило поддержку всех присутствующих. Парис долго их разглядывал, но, так и не найдя 10 отличий, поинтересовался: «А что, собственно, вы можете предложить?» Гера предложила власть над Азией, Афина – неизменную победоносность во всех битвах Париса, Афродита... Елену. Как на беду, последний вариант показался Парису самым интересным. Еще не усматривая подвоха, не успевший разобраться в сути провокации прекрасный юноша в присутствии остальных богинь вручил яблоко Афродите. Дни неприступного Илиона были сочтены.

В Трое Париса признали благодаря погремушке из той корзины, в которой его много лет назад оставили на Иде. Приам и Гекуба приняли его как сына. Узнав о вернувшемся в город «пылающем факеле», жрецы Аполлона пригрозили забастовкой, если его не повесят сегодня же на площади и так, чтобы всем было хорошо видно, и согласились подождать до вечера. И тут Приам сказал фразу, после которой ему не на кого жаловаться: «Пусть погибнет Троя, но не мой сын!»

Парису не терпелось получить обещанное Афродитой. Под предлогом спасения плененной сестры Приама Гесионы он при непосредственной поддержке и всяческой помощи своего любящего отца снаряжает целую флотилию и отправляется в Спарту, договорившись вернуться или со своей тетей, или с какой-нибудь гречанкой царского рода в качестве выкупа. Видят боги, Приам знал, на что он шел! Не мог он предвидеть одного – что эта самая гречанка окажется женой вооруженного до зубов соседа и будет вероломно похищена из его дома, самым оскорбительным образом, с нарушением всех правил гостеприимства.

Афродита выполнила свою часть договора: под влиянием ее чар Елена была немедленно сражена красотой и красноречием Париса. Погрузив на корабли все, что плохо лежало (примерно полцарства) в придачу к «гречанке царственного происхождения», Парис расправил паруса. До гибели города с двухтысячелетней историей оставались считанные годы.

Это и есть рок по-древнегречески: клятва на крови была нарушена ничем не знавшим о ней персонажем. Трагедия стала набирать обороты.

Пришедший в ярость Менелай созвал у себя во дворце всех кандидатов в мужья прекрасной изменщицы, те снова увидели свет в конце туннеля и объединенными силами двинулись на Трою. Не каждая красота способна поссорить, а затем снова сплотить десятки командиров доисторических войск!

После гибели Париса в Троянской войне Елена перебралась к его брату Деифобу, а когда и того ее законный супруг убил, ворвавшись в город, вернулась снова к Менелая, любовь в сердце которого оказалась сильнее и ярости, и позора. Конечно, супруга поклялась, что все эти годы только и думала, что о побеге и возвращении к нему, а Деифоб просто воспользовался ее слабостью после смерти своего брата.

Думается, слепой Гомер, назвав Елену благороднейшей из женщин, имел в виду все-таки лишь ее полубожественное происхождение – либо говорил о какой-то другой Елене. Возможно, конечно, он намекал на то, что полубогов нельзя судить по человеческим понятиям. Хотя не исключено, что стереотипы эпохи также наложили свой отпечаток: физическая красота для эллина сама по себе считалась высшей ценностью, не требующей комментариев.

На этом белая полоса в жизни Елены обрывается. После смерти своего мужа и единственного покровителя она была изгнана из полиса его сыновьями и в поисках убежища не нашла ничего лучшего, чем остановиться на Родосе, в гостях у Поликсо, чей муж был убит в ходе Троянской войны. Месть хозяйки острова, имевшей основания считать Елену виновницей своего горя, была скорой и без особой выдумки: Елена была задушена во время купания подосланными Поликсо подружками-«фуриями».

Позже, как и следовало ожидать, образ Елены стал причиной для основания культа неземной красоты, который отправлялся в специально построенных для этого храмах на Родосе и в Лакедемонии, где, по утверждению Геродота, нет-нет да и случались разные исцеления вкупе с прочими чудесами.

Семирамида

Настоящее имя легендарной женщины, которую мы знаем как Семирамида, – Шаммурамат. Семирамида – это уже древнегреческая транскрипция. Дело в том, что в IX веке до н. э., когда жила Семирамида, еще не существовало письменности, понятной нашим историкам настолько, насколько понятны древние языки в рамках курса классической филологии – древнегреческий и латынь.

Шаммурамат – единственная известная официальной истории до Клеопатры царица древней цивилизации. Ибо Ассирия была не просто каким-то царством из многих, но единственным средоточием общественно-политической жизни и огнедышащим жерлом культуры своего времени. Разница в развитии между царями и их подданными была колоссальной – в царях видели богов, потому неслучайно Шаммурамат приписываются божественные атрибуты (прежде всего богини любви Иштар), а также сверхчеловеческие способности. По одной из легенд, Шаммурамат – дочь богини Деркетто и человека. Согрешив с низестоящим на лестнице эволюции, Деркетто не на шутку испугалась, что боги ее деклассируют, и, смелодушничав, сокрыла плод своего греха в горах, отца же девочки умертвила. Малышку выходили голуби, а потом ее нашел какой-то пастух и вырастил.

Первым в нее влюбился военный министр Оанн. Он увел ее от отца-пастуха и долго никому не показывал, боясь, что претендентов на нее будет столько, что ему ее не уберечь.

Отголоски свидетельств о божественной красоте Шаммурамат донеслись и до основателя царства Нина. Когда ему посчастливилось ее увидеть, он уже не смог с ней расстаться и оставил у себя. Одно время Шаммурамат, слушаясь Оанна, якобы прятала от всех свою красоту, одеваясь как мальчик. Но проницательный Нин заметил подвох и приказал снять покрывало. Так пред ним предстала прекрасная Шаммурамат.

Поставленный перед необходимостью отдать свою любовь царю, Оанн покончил с собой, вонзив себе в сердце кинжал.

Шаммурамат произвела такое впечатление на своих современников, что и в дальнейшем в истории ей приписали все лучшее, что произошло в Ассирии в период ее расцвета: строительство Вавилона, висячие сады и горные пути сообщения, все завоевания вплоть до Индии и Амона. Однако, например, так называемые Висячие сады Семирамиды были построены на два столетия позже периода ее правления.

Итак, Шаммурамат стала любимой женой ассирийского царя. Нин был от нее без ума. Он задаривал ее драгоценностями, содержал в роскоши, берег как зеницу ока. Но она не могла простить ему смерти своего супруга – даже после рождения сына, Ниния.

Совсем выбившись из сил в попытках сделать свою возлюбленную счастливой, Нин взмолился к ней с одной только просьбой: «Пожелай что угодно, и я это исполню!» И она пожелала. Трон! Нин должен был отдать ей власть на пять дней и не вмешиваться в ее действия в это время. Счастливый тем, что может хоть что-то сделать для своей ненаглядной Шаммурамат, Нин потребовал от подданных до утра облачить новоявленную царицу во все подобающие ее рангу одежды.

Заняв трон и убедившись в послушании своих подданных, она отдала приказ предать казни царя. Слуги исполнили и это. С тех пор Шаммурамат стала единовластной правительницей великой Ассирии.

Похоронив мужа по последним требованиям церемониала, царица взяла все дела государства в свои руки. Истории известны войны того времени Ассирии с Египтом, Эфиопией, Мидией, походы в Индию. Тогда же построен Вавилон. Город-легенда был заложен правительницей как знак того, что она желала оставить на земле. Для своего времени это был мегаполис и перекресток миров, сотни тысяч человек прошли через него.

Заметив в своем подрастающем сыне от Нина едва сдерживаемую неприязнь, Шаммурамат поняла, что он узнал о смерти отца и хочет отплатить матери. Не дожидаясь противостояния с собственным сыном, она уступила ему трон. Легенда гласит, что, будучи убита сторонниками Ниния, она обратилась голубкой и улетела, а голубь стал символом души в Ассирии, чем-то вроде ангела, возвещающего благую весть. Семирамида же сначала стала легендой, а со временем превратилась в миф и богиню.

Ее имя было увековечено через два столетия Навуходоносором II (Набу-кudurри-уцур), царем уже не Ассирии, а ее наследника – Вавилонского царства, в знаменитых садах Семирамиды, которые царь посвятил своей возлюбленной. Самые экзотические растения были высажены террасами, сходившими словно с небес до земли.

О самой же владычице древней Ассирии мы знаем в основном благодаря древнегреческому служителю музыки истории Клио – Диодору.

Лаиса

Эта прелестница так отличилась за свою недолгую молодость, что, похоже, навсегда вошла в историю в качестве примера любовницы всех времен и народов. Словарь иностранных слов русского языка 1910 года под редакцией А. Н. Чудинова приводит ее имя как нарицательное и дает следующее определение: «ЛАЙСА (греч. от соб. им.). Известная прелестница (гетера) Коринфа, именем которой называют женщин красивых, любезных, но легкого поведения». Образ Лаисы, жившей в V веке до н. э., широко использовался в литературе вплоть до XIX века. Вот Н. М. Карамзин, стихотворение «К неверной»:

*Армиды Тассовы, Лаисы наших дней,
Улыбкою любви меня к себе манили
И сердце юноши быть ветреным учили.*

Сегодня же все электронные справочники в качестве синонима приводят слово «развратница».

Еще девочкой она стала чьим-то трофеем, была увезена с родной Сицилии в Афины и продана любителю прекрасного по имени Апеллес, которому как раз была нужна натурщица – наложница по совместительству. Ей он со всем тщанием передал свой опыт любовных утех. Он даже разрешал ей зарабатывать самостоятельно в местном борделе в те часы, когда был занят чем-то более важным. Природные данные Лаисы были столь выдающимися, что в народе она сразу обзавелась титулом «превосходящая всех женщин от основания мира».

Отработав у Апеллеса три года и обретя свободу, Лаиса резонно решила умело распорядиться навыками, полученными за время обучения у художника и в публичном доме, так что сразу отправилась в Коринф, славный известной школой скульпторов, чтобы предложить себя во всех смыслах наидостойнейшим из них.

Одним из достойнейших небезосновательно считал себя творец бессмертного «Дискобола» Мирон, дни которого на то время уже клонились к закату. Старик многое за свою жизнь успел повидать, но и ему хватило одного взгляда на обнаженную Лаису, чтобы утратить дар речи. Поняв, что тут есть за что бороться, он воскликнул: «Бери все, что у меня есть, только останься на ночь!»

Но юная Лаиса в свои годы тоже успела обзавестись немалым опытом, она и не такие предложения получала от мужчин, так что могла позволить себе возлечь лишь с тем, кто ей действительно нравился. Аристиппу она отвечала взаимностью, оцениваемой в целом состояние, а вот нищего Диогена бомжеватого вида (жил в бочке) ублажала со всем своим удовольствием за просто так, стараясь делать это привселюдно.

Выслушав Мирона, представшего перед ней в привычном для него наипростецком и не весьма опрятном виде, гетера окатила его чрезвычайно удивленным взглядом, сморщила носик и ушла не попрощавшись.

Эта встреча подействовала на Мирона так, что тот решил на старости лет поменять имидж. Можно себе представить, как он старался, если известно, что, встретив старика вновь на следующий день и выслушав от него признание в любви, не узнавшая его Лаиса лишь высказала предположение, не его ли отец вчера делал ей то же предложение!

К чести сильной половины человечества следует отметить: находились и чрезвычайно резистентные экземпляры, которых Лаисе не удавалось взять никакими глазками и ласками. Правда, история запомнила только двоих: ученика Платона Ксенофонта и олимпийского чемпиона тех лет Евбата.

Лаиса фактически занималась в жизни любимым делом да так его любила, что, как свидетельствует Эпикрат, уже и деньги иссякли, и красота увяла, а она все ходила по рядам мужчин, сначала на симпозиумах, позже в подворотнях, пытаясь высечь из своих уже немолодых пьяных глаз искры обольщения и отдаться хоть кому-нибудь, причем совершенно безвозмездно.

В общем, Лаиса принадлежала к тому типу увлеченных людей, которые «сгорают на работе». Да ведь так и произошло. Уже в чрезвычайно преклонном возрасте – около 70 лет, дожить до которых в те времена вообще редко кому удавалось, – она, на свою беду, так увлеклась одним молодым человеком, что готова была пойти за ним на край света. Идя по его следам, она оказалась в Фессалии и, встретив юношу в храме Венеры, открылась ему и страстно предложила себя прямо здесь, на месте. В тот час в храме было вовсе не безлюдно, что нисколько не могло смутить многоопытную гетеру с горячим сердцем. Однако наблюдатели не оценили картину, развернувшуюся перед ними, и забросали нечестивицу камнями. Так и скончалась «превосходящая всех женщин от основания мира».

Столь неоднозначный образ, тем не менее, не мог не остаться в истории. В Коринфе Лаисе благодарными скульпторами был воздвигнут памятник в виде львицы, которая лакомится ягненком. Надпись на табличке не дошла до нас в оригинальном виде, но, по слухам, гласила примерно следующее: «Здесь покоится та, чья божественная красота повергла к своим ногам даже славу непобедимой Эллады».

Барсина

Барсина (363–309 гг. до н. э.) известна прежде всего как дочь персидского правителя Артабаза и фаворитка Александра Великого.

Первым мужем Барсины считается грек Ментор, поддержавший Артабаза в восстании против Артаксеркса III. Барсина была тогда еще пятилетней девочкой, которой суждено было вместе с мужем, который годился ей в отцы, бежать в Македонию, а затем в Египет. Лишь через 16 лет Барсина, повзрослев, смогла родить Ментору двоих детей. Вскорости после этого Ментор умер, и Барсину взял в жены его брат Мемнон.

В 333 году до н. э. Дарий III, при дворе которого тогда находилась Барсина, потерпел сокрушительное поражение от Александра Великого, и красавица досталась последнему в качестве трофея. Поначалу он не знал, что с ней делать: красива, благородна – да, но Александр до нее вообще на женщин мало внимания обращал, а тут... что-то в его сердце отозвалось.

Вскоре чувство к 30-летней уже Барсине разгорелось до такой степени, что Александр в угоду ей легко простился с самыми приближенными к себе особами: братом Арридеем и другом Гефестионом. Последний вернется к Александру только после того, как они с Барсиной расстанутся. Вездесущий Плутарх утверждал, что эта женщина была единственной, кого Александр действительно любил: казалось, кроме Барсины, ему вообще никто не нужен – несмотря даже на то, что та была старше его на целых семь лет, а такой союз в обществе считался недостойным великого правителя.

Нет прямых данных об отношениях Барсины с матерью Александра Олимпиадой, однако известна история о том, что однажды Александр настолько разругался с матушкой, что просил царицу Карию Аду усыновить его, тем самым собираясь передать титул своей матери другой женщине. Вряд ли причиной для такой сильной ссоры могло послужить что-либо другое, кроме их отношений с Барсиной.

Судя по всему, Барсина была просто выдающейся красавицей, в которой, помимо внешних данных, сочетались благородная кровь, хорошее образование, полученное в Греции, и мягкий нрав.

Такое положение дел при царском дворе мало кому нравилось. Александра в этом вопросе не поддерживали ни вельможи, ни старшие офицеры, не без оснований переживая за безопасность и устойчивость государства, к управлению которым вследствие близости к царю может иметь отношение иноземка-любовница, да еще какая: муж, отец и брат – персидские военачальники.

Александр не мог вовсе не считаться с мнением тех, от кого зависела государственная машина, – видимо, поэтому так и не решился жениться на Барсине. Но разлучить их, казалось, ничто не могло. Барсина везде и повсюду следовала за своим полководцем, и предстоявший Александру поход в Сирию не стал исключением.

На пути в Сирию следовало решить проблему с флотом Дария под управлением того же брата Барсины Фарнабаза, для чего путь один – захват Финикии (нынешнего Ливана), на базе городов которой был построен и обеспечивался флот, не имевший себе равных по тем временам. Ключевой город Тир отказался сдаваться, осада длилась полгода. В конце концов основная база персидского флота была захвачена, а вскоре и сам флот разбит. Фарнабаз схватили и отправили к Александру. Только теперь высокопоставленный перс понял, как ему повезло, что в его судьбе могла принять участие сестра. Достоверных данных нет (да и, по понятным причинам, быть не может), но судя по тому, что Фарнабаз вместо неминуемой казни был назначен командующим одним из подразделений армии своего недавнего врага, без Барсины тут не обошлось.

Впрочем, среди приоритетов македонского царя первенство всегда принадлежало идее господства над миром, и Барсина также была подчинена ей, как вообще все и вся в окружении Александра. Вскорости она будет вынуждена стать свидетелем кровавой расправы Александра над защитниками Гизы – города, правителя которого, перса Батиса, он, вопреки своему правилу, не помиловал, а предал самой позорной казни. Тут уже никакие уговоры, никакие мольбы не помогли бы. Барсина была не глупа и понимала: царю необходимо устрашить правителей других городов Египта, ему очень важно было добиться добровольной сдачи этих городов, чтобы сохранить их бесценные сокровища.

А вот Артабазу, отцу Барсины, так же повезло, как ее брату: после смерти Дария он был принят на службу к Александру и даже смог свидеться с дочерью, а потом повидать и внука от великого полководца. В 327 году до н. э. 36-летняя Барсина смогла порадовать царя сыном, которого тот, считая себя «новым Ахиллом», назвал просто – Гераклом.

Неизвестно, чем объясняется тот факт, что с этого момента страсть Александра к своей фаворитке угасает. Возможно, только после рождения своего внебрачного ребенка он понял, что сделать его наследником, а значит, пойти на жесточайший конфликт со всей македонской знатью, было бы нецелесообразно. Для этого ему и понадобилась бактрийка царских кровей Роксана, с которой он сочетался браком со всеми вытекающими отсюда последствиями для Барсины: ей пришлось взять сына и тихо уйти.

Они обосновались в Пергаме, казалось, всерьез и надолго. Дочь Барсины от Ментора тем временем повзрослела и стала женой Неарха – адмирала македонского флота и ближайшего доверенного Александра, – так что, судя по всему, они с Барсиной продолжали поддерживать отношения, только теперь уже на расстоянии.

10 июня 323 года до н. э. в Вавилоне Александр умер от неизвестной болезни – и спокойная жизнь закончилась, к власти пришли диадохи, его военачальники, разделившие империю между собой. В государстве начались междоусобицы, раздел земель был в общем и целом закончен лишь через 22 года. Антигон, оставивший себе Пергам, отправил Барсину с Гераклом к Полисперхону, которому пришла отчаянная идея захватить имперский трон посредством пускай внебрачного, но живого сына Александра. Так, в возрасте 18 лет Геракл был объявлен наследником умершего императора. Но то была лишь политическая игра, в которой Барсина с сыном были просто использованы и в результате оказались больше не нужны – Полисперхон распорядился их убить. Это произошло в 309 году до н. э.

Что любопытно – та же участь постигла и Роксану, из-за которой Барсина была фактически сослана в Пергам: ее тоже после смерти Александра убили вместе с сыном – единственным на тот момент законным наследником короны. Так что смертельно опасное это дело – быть фавориткой верховного правителя.

Таис Афинская

Таис – еще одна претендентка на роль главной фаворитки Александра Великого в исторических и не очень свидетельствах. Родившаяся в 354 году до н. э. в Спарте, она оказалась лишь на два года старше будущего императора, а известность ее была на достаточной высоте, чтобы к семнадцати годам получить в обществе прозвище «четвертая харита» (то же, что древнеримская грация), – ведь по классической традиции этих мифических прелестниц всего три.

В своем романе «Таис Афинская» Иван Ефремов вкладывает в уста некоего делосского философа разгадку имени Таис. Тот утверждает, что имя это египетское и переводится как «Земля Исиды». Возможно, это плод авторской фантазии, как и еще два имени, приписываемые Таис: Тию (это имя она получила при тайном посвящении у орфиков) и Фалестра (так звали еще царицу амазонок).

Она была рождена вне брака от некоего гражданина Афин одной критской красавицей. Когда стала подрастать, женские гены взяли свое – Таис была вся в маму. Видя это, мать отдала девочку еще в детском возрасте в коринфскую школу гетер, где она получила образование, считавшееся необходимым для девушек.

Образование, между прочим, было таково, что самые знатные особы своего времени, аристократы до мозга костей, государственные мужи и выдающиеся творцы эпохи мечтали провести время в общении с этой «мудрейшей из женщин», когда она была еще совсем юна. Именно после Таис слово «гетера» утратило свой уничижительный оттенок и приобрело уважительное звучание.

О ней ходили легенды, мудрецы со всей Земли искали с ней встречи. Она стала свидетельницей исторических событий своего времени, существенно повлиявших на становление человеческой цивилизации: побед Александра Македонского, основания Александрии, магического блеска Мемфиса. Она была любима монументальными героями древней истории: Александром Великим и Птолемеем I. Наконец, ей, гетере, суждено было стать царицей Египта.

Процитируем Ивана Ефремова:

«...Птолемей не мог оторвать взгляда от незнакомки, как богиня возникшей из пены и шума моря. Медное лицо, серые глаза и иссиня-черные волосы – совсем необыкновенный для афинянки облик поразил Птолемея. Позднее он понял, что медноцветный загар девушки позволил ей не бояться солнца, так пугавшего афинских модниц. Афинянки загорали слишком густо, становясь похожими на лилово-бронзовых эфиопок, и потому избегали быть на воздухе неприкрытыми. А эта – меднотелая, будто Цирцея или одна из легендарных дочерей Миноса с солнечной кровью, и стоит перед ним с достоинством жрицы. Нет, не богиня, конечно, и не жрица эта невысокая, совсем юная девушка. В Аттике, как и во всей Элладе, жрицы выбираются из самых рослых светловолосых красавиц. Но откуда ее спокойная уверенность и отточенность движений, словно она в храме, а не на пустом берегу, нагая перед ним, будто тоже оставила всю свою одежду на дальнем мысу Фоонта? Хариты, наделявшие женщин магической привлекательностью, воплощались в девушках небольшого роста, но они составляли вечно неразлучное трио, а здесь была одна!»

Неизвестно, была ли Таис любовницей Александра, но тот явно симпатизировал ей и брал с собой в далекие и небезопасные путешествия. Он признавался, что ему приятно «держат Таис при себе». Ему импонировали ее отчаянная решительность, бесстрашие, не по-женски зажигательное красноречие. Видимо, Таис – одна из немногих женщин в истории, наделенных истинной харизмой. Сколько огня и силы убеждения было в ее призыве сжечь дворец Ксеркса в захваченном в 330 году до н. э. Персеполе! Этому моменту посвящена даже картина Г. Симони.

Подняв чашу на праздничном пиру в честь триумфальной победы, она так зарядила царя и всех присутствующих своей энергией убеждения, что зал для пиршеств взорвался овацией. Идея сжечь дворец ненавистного Ксеркса, некогда опустошившего Афины, была воспринята как смелый порыв отмщения, справедливого воздаяния за чудовищные преступления персов перед греками. Заканчивая свою речь, огненная спартанка попросила милости у государя разрешить ей, в качестве единственной награды, на которую она когда-либо могла надеяться из его рук, взять факел и сейчас же привселюдно первой бросить его под стены дворца. Чтобы на все века запечатлеть тот факт, когда женщина ответила на издевательства врага убедительнее всего мужского войска! Смерть варварам!

Видимо, ее и впрямь могли считать Фалестридой.

Александр выполнил ее просьбу – дворец немедленно занялся и сгорел, как спичка.

Тогда она уже считалась любовницей Птолемея (что не мешало ей, впрочем, быть и наложницей Александра). Так или нет, но почему-то только после смерти царя Птолемей смог позволить себе жениться на Таис.

После кончины Александра и начавшегося раздела империи Птолемей с Таис по праву занимает Египет, да еще перевозит с собой саркофаг, в котором покоится Александр, – тем самым демонстрируя соперникам, где отныне будет располагаться столица государства. Они с Таис женятся – и скоро в царской семье пополнение: Эрена (девочка), Леонтиск и Лагус (мальчики). Однако, несмотря на соблюдение всех необходимых этапов ритуала, Таис не может считаться законной царицей Египта, хотя ей и дарован титул. Соответственно, и дети их наследниками не считаются...

В 317 году до н. э. Птолемей расходится с Таис – причиной раздора стала Береника, следующая жена правителя Египта. Они с Таис делят сферы влияния: она царит в Мемфисе, он – в Александрии. Но, пережив несколько покушений с попыткой отравления и потеряв в результате самых дорогих друзей, Таис понимает, что спокойно ей здесь жить не дадут, и складывает с себя царские полномочия.

На этом правдивая история заканчивается и начинаются домыслы: якобы героиня нашего рассказа оказывается в мифическом городе счастья под названием Уранополис, где и заканчивает свои дни.

Образ Таис Афинской во все времена вдохновлял живописцев и литераторов, но изображалась она, как правило, фавориткой Александра, а не женой Птолемея, хотя и была фактически царицей Египта.

Клеопатра

Ореол славы, которым окружено имя этой выдающейся женщины, до сих пор не имеет себе равных. Думается, из женщин, верящих в реинкарнацию, по крайней мере каждая вторая представляла себя Клеопатрой в одном из прежних воплощений.

В отличие от многих других высокопоставленных женщин прошлого, истории известны и день рождения Клеопатры (2 ноября 69 года до н. э.), и день ее смерти (12 августа 30 года до н. э.). Дочь египетского царя Птолемея XII Авлета, она оказалась последней в династии греческих царей Египта, в династии, которая еще носила титул фараонов.

Возможно, не всем известно, что Клеопатра, наследовавшая престол, на самом деле была незаконнорожденной в августейшей семье, так как лишь одна Береника IV, которой довелось царствовать всего несколько лет (58–55 гг. до н. э.), считалась рожденной в браке.

На престол ее возвело завещание отца, наделившего своих детей – 13-летнего Птолемея-Диониса и 16-летнюю Клеопатру – царской короной, одной на двоих, так как, по обычаю, с этого момента они должны были официально признать друг друга мужем и женой.

Достоверных данных о детстве Клеопатры нет, хотя известно, на каком событийно-историческом фоне оно прошло. Свержение отца в результате восстания 58-го года с последующим изгнанием из Египта, восхождение на престол Береники... Мечь, гонения, кровавые расправы в стране, в которые ударился Птолемей после возвращения к власти с помощью римского прокуратора Сирии, падение и смерть Береники. К этому времени Клеопатре было уже 14, она жадно впитывала уроки происходящего на печальном примере отца – нет, она пойдет другим путем: никому не верить, даже родне, никого не приближать к трону, хладнокровно убирать с дороги всех способных представлять угрозу.

Резиденция Птолемеев Александрия считалась одним из самых ярких очагов культуры той эпохи. Вращаясь изо дня в день в среде талантливейших творцов своего времени, представляющих все роды и виды искусства, Клеопатра, помимо великолепного образования, получила всестороннее развитие. Ум и талант девушки нашли свое применение в игре на музыкальных инструментах, блестящем знании языков (для своего времени Клеопатра была полиглотом), в философии и политике.

Наделенная природной красотой, она умело применяла все свои способности и преимущества в политической игре и борьбе за власть. Так, стремясь использовать римское могущество для упрочения позиций Египта в мире и своего положения на его троне, она стала сначала фавориткой Юлия Цезаря, а затем любовницей и женой Марка Антония. Говорят, и Октавиан, разбивший Антония, также пылал к ней страстью, но то ли политические соображения взяли в нем верх, то ли царица к тому времени уже сдала, только чары во время их встречи, которая состоялась 1 августа 30 года до н. э., уже не подействовали.

Вот какой портрет Клеопатры в ее лучшие годы дает в своем жизнеописании Антония Плутарх: «...Красота этой женщины была не тою, что зовется несравненною и поражает с первого взгляда, зато обращение ее отличалось неотразимою прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с редкою убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу. Самые звуки ее голоса ласкали и радовали слух, а язык был точно многострунный инструмент, легко настраивающийся на любой лад, – на любое наречие...»

Но Клеопатра была непревзойденна еще и как гетера. Знает ли история столь знатную куртизанку? К достоинствам или нет отнести сладострастие, но им царица Египта была наделена без меры. Оргии во дворце фараонов во времена Клеопатры стали притчей во языцех. Ни у кого, наверное, в истории не было такого гарема сильных и прекрасных юношей – мораль Египта эпохи Птолемеев, выросшего на почве эллинской культуры, не видела в этом ничего

предосудительного. Мало того, к ней выстраивались очереди из обезумевших мужчин, готовых за одну ночь с ней отдать жизнь, – их головы потом выставлялись на всеобщее обозрение.

Отодвинув своего малолетнего брата-мужа, Клеопатра взошла на трон под официальным титулом «Теа Филопатор» – «Богиня, любящая отца». Она должна была править единолично. Но брат, которому в его 13 лет как раз впору было играть в солдатиков, не стал с этим мириться и при поддержке главного министра Потина, высокопоставленного военачальника Ахилла, а также своего приближенного Теодота, учившего его риторике и манерам, стал готовить план свержения сестры. И в 48 году до н. э. в Александрии вспыхнуло восстание. Потин выступил против Клеопатры с обвинениями в узурпации власти и государственной измене. Якобы, торгуя своим телом, она готова продать Риму весь Египет с потрохами, только бы удержаться на троне. К обвинению прилагались основания: в благодарность за поддержку своего отца, когда в недалеком прошлом он вернулся на престол, Клеопатра стала наложницей Гнея Помпея, одного из влиятельнейших римских консулов.

Эта риторика возымела действие, народ почувствовал себя оскорбленным – Клеопатре пришлось бежать. И хоть поверженной она себя признать отказалась, в официальных бумагах отныне царем Египта именовался юный Птолемей.

Клеопатра сдаваться не собиралась. Она наняла войско в Сирии и подошла к границе с Египтом. Бог знает чем могла закончиться битва у Пелусия на пограничной с Египтом территории, где встретились два войска (не женское и не детское это дело – война), если бы к этому времени не подоспел не всуе упомянутый Помпей.

Разбитый наголову Цезарем в борьбе за власть над Римом, Помпей высаживается на берегах Египта и обращается к Птолемею XIII за помощью. Для того чтобы понять, как правильно поступить в этой ситуации, собирается государственный совет, на котором решено убить Помпея. Эта ошибка в конце концов стоила незадачливому правителю короны. Помпей для Цезаря был кошельком с деньгами, заполучив который он собирался покрыть долги Египта по кредитам Рима, выданные еще папе Птолемею-Дионису, уже почившему в бозе Птолемею XII. А с этого юнца что взять – в стране фактически нет власти...

Ну, раз власти нет, придется ее установить, решает Цезарь и зовет к себе рассорившихся отпрысков последнего Птолемея. Клеопатру на данный момент он рассматривает только как свою возможную ставленницу, которая за это будет должна по гроб жизни.

Проницательная Клеопатра распознала в этом шанс, на который можно поставить все. По требованию римского диктатора она распускает армию и инкогнито (в мешке!) на плечах своего раба Аполлодора появляется во враждебной еще ей столице.

И вот она у ног «божественного Цезаря»! О возможности проявить весь спектр своих талантов в такой ситуации можно было только мечтать. И, конечно, «египетская блудница» использовала их на все 100.

Утром Цезарь вызвал к себе юного «фараона» и по-хорошему предложил уважать завещание своего отца. Мальчишка впал в истерику и стал мутить воду в стакане. В Александрию были стянуты войска, поддержанные народом, недовольным римским хозяйничанием в Египте. Цезарю с 7-тысячным отрядом пришлось четыре месяца держать осаду в правительственном квартале, пока подоспевший на подмогу Митридат Пергамский с войском не расставил все точки над i. Бежавший Птолемей спастись не сумел: многоводный Нил принял его в свои объятия.

Клеопатра ликовала! «Война Клеопатры», как будут названы эти события, завершилась полным разгромом противника.

Цезарю нужно было возвращаться в Рим, где начались резня и погромы, но, ослепленный чарами 19-летней прелестницы, старый, умудренный политик и полководец не мог себя заставить следовать долгу и вместо наведения порядка у себя дома всерьез планировал нечто вроде свадебного путешествия по Египту. Лишь ропот в рядах легионеров своего отряда заставил

Цезаря вернуться к конструктивным действиям. Так что вместо своей свадьбы ему пришлось для отвода глаз и в угоду египетскому обществу сыграть свадьбу Клеопатры с ее братом Птолемеем XIV Неотеросом. Конечно, это была чистая формальность, Клеопатра держала в своих руках всю власть над Египтом, а плод любви с «божественным Цезарем», вскорости явившийся на свет, назвала Птолемеем Цезарионом, чем никого, собственно, не удивила.

В Риме диктатору стало скучно, и он пригласил Клеопатру в столицу республики «с официальным визитом». О помпезности этого визита дает некоторое представление художественный фильм «Клеопатра» 1963 года с Элизабет Тейлор в главной роли. Это было неслыханно для Рима с его сенатом и консулами: правитель Рима со всеми почестями принимает свою любовницу, египетскую гетеру! Позор! Но Цезарь не останавливается на этом, он оскорбляет культуру римлян, духовное и религиозное чувство нации: в храме Венеры устанавливается и уравнивается с богами золотой идол Клеопатры! Повсюду поползли слухи, вызванные небезосновательными опасениями, что Цезарь собирается объявить своего сына от Клеопатры наследником римской короны. После этого заговор против Цезаря стал уже делом времени – 15 марта 44 года до н. э. он был убит.

Самым смелым планам и радужным мечтам Клеопатры не суждено было сбыться. Она возвращается в Александрию, после чего загадочным образом умирает ее малолетний супруг Птолемей XIV, что, в общем-то, и понятно: зачем Клеопатре будущий соперник в борьбе за власть, если у нее уже есть сын, который должен править после нее? Она объявляет Цезариона своим наследником.

События, последовавшие за смертью Цезаря, стали серьезным испытанием для царицы. В Риме возобновилась кровавая борьба за власть, основных претендентов было четверо: Кассий, Брут, Антоний и Октавиан, ситуация часто менялась и требовала политической гибкости. К этому, как на беду, добавились двухлетняя засуха и голод в Египте, народ роптал и был на грани восстания. Как ни крути, ей нужно было делать ставку на одного из четверых.

В это время Марк Антоний после своей победы над Брутом объезжал свои новые владения в Греции и Малой Азии, попутно принимая поздравления от соседних делегаций. Клеопатра долго не решалась, но в состоянии острого цейтнота все-таки сделала выбор и отправилась с поздравлениями к Антонию.

Этот визит выглядел не столь величественно, но был окружен такими романтическими атрибутами, недвусмысленно указывавшими на цель александрийской красавицы, что самолюбие Антония было польщено, и он, будучи сластолюбив и легкомыслен по натуре, не стал возражать.

Свой успех Клеопатра закрепила уже у себя в Александрии, куда приглашенный ею Антоний вскорости прибыл. Как и ожидалось, римский триумвир потерял голову. У Клеопатры были две просьбы – они исполнены: официальное признание Римом Цезариона и исчезновение с политической сцены сестры царицы – Арсинои. Бедняжка в изгнании и так ни на что, в общем-то, не претендовала, но все-таки для порядка была убита.

Клеопатра честно исполняла свою часть договора – роман, напоминавший пьяную оргию, продолжался 10 лет. Плутарх описывал это так: «Вместе с ним она играла в кости, вместе пила, вместе охотилась, была в числе зрителей, когда он упражнялся с оружием, а по ночам, когда он, в платье раба, бродил и слонялся по городу, останавливаясь у дверей и окон домов и осыпая обычными своими шутками хозяев – людей простого звания, Клеопатра и тут была рядом с Антонием, одетая ему под стать».

Порой они нарывались и получали достойный отпор, возвращаясь из своих загулов порядком избитыми, но готовыми завтра же продолжить в том же духе. Они смеялись сквозь слезы, охая и потирая бока, и называли друг друга «неподражаемыми». Со временем народ стал их узнавать и обходить стороной от греха подальше, и затея утратила смысл.

С точки зрения политического расчета отношения Антония и Клеопатры были взаимовыгодными: власть Клеопатры держалась «на штыках» Антония, который не смог бы прокормить свое войско без египетского обеспечения. Роль же беспутной вакханки несколько не отягощала царицу – как и роль высокообразованной гетеры в пору их отношений с Цезарем: это была лишь еще одна грань образа «александрийской распутницы».

Законная жена Антония долго терпела – но в конце концов взорвалась и развернула против своего мужа настоящие военные действия, получившие в истории название Перузинской войны. Когда любвеобильный триумвир вернулся в Рим, она уже была мертва. Антоний был пристыжен Октавианом и обещал ему взяться за ум – даже для пущей убедительности взял в жены его сестру. Как раз в это время Клеопатра подарила ему сразу двух детей: Александра Гелиоса и Клеопатру Селену – «Солнце и Луну».

Сойтись вновь им было суждено лишь через три года, во время малоазийской кампании Антония. Одержав легкую победу над Арменией, Антоний заявил, что свой триумф желает отметить не в родной столице, а в Александрии, тем самым признав, что да, ему плевать на республику и все, что с ней связано. Своими последующими действиями триумвир недвусмысленно давал понять, что навсегда открестился от Рима и отныне связывает свою судьбу с Александрией, Клеопатрой и своими детьми: дети получили по области, завоеванной римскими легионерами, сами же легионеры – щиты с выбитым на них именем Клеопатры; Египет обрел царицу с титулом богини и монеты с профилем «Новой Изиды».

Последней каплей стало завещание Антония с признанием Клеопатры своей законной женой, а детей – своими наследниками. В качестве последней воли он пожелал быть похороненным вместе с Клеопатрой здесь, в Александрии, в земле Египта. О Риме – ни слова!

Тут уже не вытерпел и Октавиан. После столь явной самодискредитации Антония будущему императору Августу не нужно было никому объяснять целесообразность своего похода на Египет.

Конечно, «неподражаемая» парочка была разбита в пух и прах. В битве на море у «божественной Изиды» не выдержали нервы, она задержалась, натворила ошибок и в конце концов поставила Антония под удар.

Антоний перестал с ней видаться, он закрылся у себя и жестоко запил. Клеопатра стала подумывать о суициде. Но жажда жизни взяла свое – она бежала из Александрии, переведя свои корабли в Красное море.

Их благополучно сожгли арабы. Царица не предалась отчаянью и вооружила народ в Пелузе и Александрии. Построенная по ее повелению царская усыпальница уже ждала ее на случай поражения. Накануне из всех способов умереть она выбрала укус аспида: испытания были проведены на рабах.

Любовники снова помирились, но доверять друг другу, как раньше, уже не могли. Клеопатра отправила гонца к Октавиану с дарами. Тот ответил своей благосклонностью к царице, она может просить что пожелает. Клеопатра воспряла духом, в сердце ее затеплилась надежда: Октавиан видел ее много лет назад в Риме, во всем ее блеске, – и, возможно, был влюблен в нее...

Весной 30 года до н. э. армия Октавиана укрепилась в окрестностях Александрии. Действуя упреждающе, Антоний поверг врага в бегство, но к Октавиану подошел резерв, в войсках же Антония поднялся ропот, возникла угроза измены.

Видя все это, Клеопатра объявила, что отправляется в усыпальницу, чтобы покончить с жизнью. Ее волю передали Антонию, и тот с именем возлюбленной бросился на меч. Его, истекающего кровью, но еще живого, привезли Клеопатре, и любовники еще успели проститься. Возможно, Клеопатра действительно собиралась покончить с собой, она не выпускала из рук кинжал, однако же дала себя уговорить слугам Октавиана, сдала оружие и предстала перед императором.

Напрасно. В 39 сила обаяния уже не та, что в 19. Октавиан позволил ей еще похоронить Антония, детей же отправил в Рим. А через несколько дней туда же, прикованную к колеснице, было решено перевезти и Клеопатру – в знак триумфа императора Августа!

Она узнала об этом и отправила письмо Октавиану. Когда тот вскрыл его, в нем выражалась просьба похоронить царицу рядом с Антонием.

Немедленно посланные к ней люди Октавиана нашли ее мертвой на царском ложе во всем убранстве царицы Египта.

Отдавая дань благородству царицы Египта, Октавиан исполнил последнюю волю Новой Изиды. Цезариона же казнил: чужие наследники никому не нужны.

Жизнь и смерть неподражаемой царицы Египта уже два тысячелетия будоражат умы представителей многих видов искусства. К ее образу обращались У. Шекспир, Б. Шоу, Дж. Тьеполо, П. Рубенс, А. Пушкин, В. Брюсов, А. Блок, А. Ахматова. Создана добрая дюжина художественных фильмов, наиболее известными из которых являются киноленты 1899 года и 1963-го с Элизабет Тейлор в главной роли.

Береника

Эту рабу любви современники называли «уменьшенной копией Клеопатры». И, надо сказать, когда знакомишься с судьбами одной и другой, поневоле возникает эффект дежавю.

Главный (и, пожалуй, единственный) роман в жизни Береники – трепетные отношения с Титом – будущим императором Рима. События же до романа шумны, громоздки и утомляют количеством имен, лет, цифр и родственных связей. Так что мы лишь вкратце перечислим основные вехи биографии царицы иудейской, наследницы Ирода Агриппы I и сестры Агриппы II.

Родилась Береника в 28 году н. э. в царской семье. Трижды была замужем. В 13 лет в Иудее девочка считалась уже взрослой. В этом возрасте на ней женили Марка Юлия Александра, сына управителя еврейской общиной Александрии. Не исполнилось Беренике и 16 лет, как она овдовела.

Ее отдали брату отца – Ироду Халкидскому. На этот раз она овдовела через четыре года, успев родить двух сыновей – Берекиана и Гиркана. Ее с детьми оставил при дворе брат Ирод Агриппа II, с которым, по весьма устойчивым слухам, она находилась в порочной связи.

Лишь через 17 лет, в 65-м, она дает согласие выйти замуж снова. Будущий муж, царь Олбы Птолемей II, от счастья даже согласился на обрезание. Ей же якобы нужно-то было всего-навсего опровергнуть сплетни на свой счет. Судя по всему, желаемого результата сей шаг не возымел, потому через короткое время она снова вернулась к брату, сбегав от законного мужа.

Первая встреча с Титом состоялась в 67-м. В свои 39 лет Береника была еще весьма соблазнительна, а уж богата так, что не только Тит, но и его отец Веспасиан в ней души не чаяли. В борьбе за власть состояние Береники могло оказаться хорошим подспорьем. Титом же, к тому времени уже дважды разведенным, в отличие от батюшки, овладело сильное чувство к иудейской красавице, ибо в 69-м он прибыл в Иудею не столько по делам, сколько просто свидеться. В Рим он вернулся лишь через два года.

К удивлению Береники, с собой он ее не взял. Приглашение в столицу империи пришло к ним с братом лишь в 75-м, зато в какое торжество был превращен их визит! Агриппа получил все символы римской власти в Иудее, Беренику чествовали почти как императрицу.

К этому времени Береника уже обладала немалым влиянием. Стоило ей попросить своего бывшего тестя, римского ставленника в Египте, подать свой голос в пользу Веспасиана, и легионы Тиберия перешли на сторону отца Тита.

Она была сильно увлечена Титом, мечтая стать его женой и императрицей Рима. Но на то время это было из разряда фантастики. Римляне терпеть не могли евреев. Настроения были подогреты еще и затянувшейся, чрезвычайно затратной войной с Иудеей. Когда в этом противостоянии наконец была поставлена точка, Веспасиана и Тита чествовали в Риме как богов.

Все 12 лет их совместной жизни Беренику не оставляла тревога, хотя за широкой спиной Тита ей ничто не угрожало и вести себя она могла как его жена.

Тит все свободное время проводил с любовницей. Они развлекались, пировали, Тит сам неплохо пел, небесталанно исполнял стихи модных поэтов Рима, сам что-то сочинял, музицировал и помогал Беренике осваивать кифару.

Тит, как свидетельствует Светоний, вроде бы даже давал слово Беренике, что она станет его женой, что не мешало ему, по замечаниям другого историка, Тацита, не терять голову, оставаясь для народа Рима достойным государственным деятелем.

Но спокойно жить им не давали. Приходилось отвечать жестко. Пьяный Диоген, привселюдно в театре осыпавший оскорблениями пару влюбленных, был бит розгами. Герант, пожелавший испытать судьбу вслед за Диогеном, потерял голову уже в буквальном смысле.

Но Береника все равно чувствовала себя униженной. Римляне за словом в карман не лезли, а Тит не мог круглосуточно находиться с ней рядом, ограждая от каждого наглого выкрика. В конце концов она ощутила себя посмешищем, это было уже выше ее сил и граничило с психическим расстройством. Казалось, все потешаются над ней, тыкают пальцами и злобно паясничают.

Тит был очень привязан к Беренике и не хотел верить, что им когда-то придется расстаться, осознание необходимости сего выжигало все внутри. Неримлянка не может быть его женой, таковы правила. Все, кто пытался их нарушить, мертвы. Недаром ему отовсюду шепчут: «Клеопатра... Цезарь... Антоний... помни!» Помни, как бесславно пали те, кто поднял свое «я» против законов Рима. Или ты наш император, или любовник иноземной блудницы – придется выбрать. А еще знаешь ли ты, за кого вышла замуж ее сестра? За прокуратора Иудеи? Он бывший раб, имя ему – Феликс! И ты хочешь объявить императрицей Рима сестру жены раба?!

Даже шутить подобным образом в Древнем Риме было не-уместно. Пришлось делать выбор против сердца, но в пользу разума. Тит выслал Беренику из Рима – для ее же блага.

В 79-м после смерти Веспасиана Тит унаследовал трон, и Береника, решив, что это все меняет, как на крыльях прилетела в столицу. Да ничего это не меняло, Тит ее тут же, уже вторично, выслал. Как точно выразился Гай Светоний Транквилл, «Беренику он тотчас выслал из Рима, против ее и против своего желания».

Больше они не виделись. Сколько она еще прожила и где ее могила, история умалчивает. Да и для Тита, судя по всему, это был выбор, превышавший его душевные силы, – до смерти ему оставалось два года. Поговаривают, что он был отравлен Домицианом, своим братом. Быть может, следовало все-таки выбрать личное счастье и отказаться от власти? Думается, их с Береникой представления о счастье несколько отличались: ей все равно нужна была корона.

Образ Береники – один из самых популярных в европейском искусстве Нового времени и индустриальной эпохи. Среди самых известных произведений искусства – фреска в Версале, драма Пьера Корнеля (1670), трагедия Жана Расина (1670), новелла Генриха Шумахера (1890), трилогия Лиона Фейхтвангера «Иосиф Флавий» (1932–1945) и др.

В своей трагедии «Береника» Ж. Расин выводит образ безответно влюбленного в нее Антиоха, сирийского царя. В ожидании решения Береники он признается, что готов покинуть Рим, если Береника выберет Тита.

Тит, узнав, что Антиох уезжает, расстроен этим известием: они старые боевые товарищи, ему нужна поддержка друга. В доверительной беседе он признается Антиоху, что вынужден оставить свои планы насчет Береники: сейчас, после смерти отца, на него легла вся ответственность за судьбы народа и государства, и он не вправе отказываться, но не знает, как сказать об этом Беренике. Тит просит своего друга сделать это за него. А еще лучше – уехать вместе с Береникой, так ему будет спокойнее за них обоих.

Антиох оказывается в весьма щекотливом положении: не передать своей возлюбленной волю Тита он не может, а передать – значит, расстроить ее, вызвать в ее душе негативное отношение к себе и, возможно, навсегда распрощаться с мечтой, которая именно сейчас стала так близка. Единственная его надежда – на то, что по пути в Иудею Береника, брошенная императором Рима, согласится стать его женой.

Как ни тяжело было сирийскому царю передать любимой слова Тита, он это сделал. Результат был предсказуем: Береника не верит ему на слово, желая сама во всем убедиться, и не хочет его больше видеть.

Наступает тяжелая сцена все выясняющего разговора Береники с Титом. Тит не может преступить закон. Береника разочарована: разве не уверял ее Тит, что она для него важнее всех законов? Но Тит не мог знать заранее, что все так сложится. В ответ на призыв Тита понять, что долг царя – соблюдать закон, Береника замечает, что, судя по всему, его высший долг – «вырыть ей могилу». Раз так, то жизнь ее кончена, она убьет себя. Тит отвечает, что все это

выше его сил: если она сейчас же не поклянется, что не станет совершать задуманное, он сам первый покончит с собой.

Антиох, оказавшийся свидетелем этой сцены, не в силах вынести их страданий, предлагает свою жизнь положить на алтарь счастья Тита и Береники – возможно, боги примут жертву и позволят им быть вместе. Такого беспредельного великодушия и благородства не выдерживает уже Береника и, «повергнутая в стыд», соглашается уехать и больше не появляться.

Этот сюжет на столетия вперед стал для многих поколений примером проявления истинного чувства, исполненного самоотверженного горения во имя любимого человека и свободного от мелочного эгоизма.

Средние века

Феодора

Святая грешница – так можно назвать девочку из бедной семьи, ставшую знаменитой гетерой, перед которой дважды раскрылись врата Святой Софии в Константинополе – для бракосочетания с наследником византийской короны Юстинианом и для церемонии коронации. Феодора (500–548), что означает «Божий дар», за свою деятельность на византийском престоле причислена христианской церковью к лику святых.

Отец Феодоры и еще двоих ее сестер Акациус служил сторожем при византийском ипподроме. После получения этого места семья смогла перебраться с Кипра, где родилась Феодора, в Константинополь. Когда отец умер, девочке было всего 11. Чтобы как-то прокормить семью и не потерять крышу над головой, мать стала сожительствовать с помощником сторожа, а повзрослевших дочерей сдавать желающим для интимных ласк.

Их все-таки выгнали на улицу, но матери удалось договориться о представлении ее дочерей на подмостках театра мимов, а тем – так выступить, что их выступления стали постоянными, а отчим был принят сторожем в цирк.

Поначалу Феодора лишь помогала своей сестре – носила за ней табурет во время акробатических выступлений, позже стала выступать и сама как танцовщица и акробатка. Талант и красота расцвели в ней одновременно, и к 15 годам она уже собирала немалую публику на своих выступлениях. Красота ее была необыкновенной, эта красота звучала, как песня лесов и полей, как гимн природы: завитки светлорусых волос, белая, чистая кожа, спелые ягоды губ – зеленоглазая нимфа!

Феодора предпочитала выступать совершенно обнаженной и нисколько не стеснялась этого, одежда ее только сковывала и раздражала. Будучи крещеной, она не придавала вероисповеданию большого значения, богословская книжность не коснулась ее, а реальная жизнь диктовала свои законы. Живя со своими сестрами, она с детства наблюдала картины плотских утех, культ тела был зрим и понятен, так что еще до достижения полноценной зрелости Феодора обладала немалым опытом в ремесле жрицы любви.

В этой вакхической стихии, переходя из рук в руки, она чувствовала себя как рыба в воде и пользовалась такой популярностью, что редкая пирушка обходилась без сладострастной и безотказной прелестницы. Она щедро раздаривала свою молодость и красоту, невзирая на ранги, звания, положение в обществе: рабы и патриции, музыканты и матросы встречались в одном будуаре.

О ней ходили легенды, шутки, небылицы, делались ставки: скольких граждан и рабов она примет сегодня. Клиентура Феодоры не выдержала бы никакого учета, самой пикантной новостью вечерних встреч за кружкой вина были ее последние подвиги, мужчины наперебой хвастались, как она им отдалась, восторженно подчеркивая достоинства и внешние данные. А в светлое время суток шарахались и делали вид, что не узнают на улице.

В этом вакхическом угаре шли годы. А годы, как известно, безжалостны. Красота 24-летней Феодоры уже не так блистала, как в 17 лет, тем более на фоне подросших за это время нимфеток. Быть может, она бы еще лет 10 превосходила всех самых юных, если бы... если бы не безрассудно-расточительная, напропалую развратная жизнь.

Видя, что больше никому не нужна, она опустилась ниже некуда. Но так уж, видимо, было ей предначертано – чтобы возвыситься недосыгаемо для всех. А пока что ей оставалось лишь вернуться на родину, Кипр, где она решила возложить свою жизнь на алтарь храма Афродиты.

Неизвестно, какой бог помог ей – христианский или языческий: она встретила Гекебола, префекта одной из областей в Северной Африке. А тот увлекся ею до такой степени, что забросил государственные дела и потерял должность. Не имея более возможности содержать Феодору, он ее выгнал. Из роскоши, которой она до тех пор никогда и не видела, Феодора попала на грязь мостовой.

Близкая к помыслам о самоубийстве, не зная зачем, Феодора вернулась в Византию.

Ей снова встретился спаситель – на сей раз в облике старой ведуньи, которая не только приютила ее, но и предсказала большое будущее, в ожидании которого предложила наполнить свое сердце раскаянием и в качестве епитимьи поработать у нее ткачихой. Предсказанию вторил странный сон, будто повстречается ей сам Князь Тьмы и станут ей принадлежать все сокровища мира.

Жизнь не оставила Феодоре особого выбора: проституция в ее возрасте уже не приносила тех заработков, которые позволили бы иметь кров. И она села за ткацкий станок.

И вот однажды... Как в сказке! Он увидел ее, ткущую холст... И тут же попросил руки!

«Князем Тьмы» оказался византийский военачальник царских кровей Юстиниан, которому суждено было именно после встречи с прекрасной блудницей сделать головокружительную карьеру: в этот же год он назначается консулом, на следующий – объявляется наследником византийской короны. Феодора стала его добрым ангелом.

Юстиниан не останется в долгу. Вот уже Феодора признана равной патрициям. Но самой заветной мечтой Юстиниана была свадьба с ней. По действующим законам Византии, это невозможно: консул не может взять в жены женщину из низов общества. А кроме законов категорически против этого две другие женщины: императрица Евфимия и мать самого Юстиниана. Так что, хоть и принята Феодора в царском дворце, для всех она лишь некая блажь царевича – в недавнем прошлом шлюха с площади. Юстиниана мучило такое положение вещей, и он не собирался с ним мириться. Ведь он сам рожден в крестьянской семье и своим положением обязан лишь дяде Юстину – нынешнему владыке империи!

И тут фортуна повернулась к их любящим сердцам во всем своем великолепии. Евфимия умирает. Юстин I, любящий и племянника, и его избранницу, с большим удовольствием меняет закон, не дающий им жить в браке. В новой редакции эта норма предусматривала возможность бракосочетания знатного византийца и актрисы, если она обещает бросить свое ремесло! Куда уж демократичнее...

Говорят, мать Юстиниана, еще не так давно простая крестьянка, скончалась в судорогах, не вынеся позора.

А Византия на их венчании ликовала.

Через три года ослабевший император, чувствуя, что смерть его близка, послал за молодыми. Когда они явились, он благословил их на царство, передав обоим как равным и достойным друг друга свой титул. Свидетелем сего был сенат в полном составе. Через три дня два простолудина (куртизанка и крестьянин) были коронованы Патриархом Константинопольским и заняли византийский престол. Никто не был против. Народ не роптал, армия и церковь – все согласны!

Вот так, выйдя из грязи в князи, Феодора, рожденная в нищете и неоднократно бывавшая на самом дне общества, оказалась у руля одной из величайших империй. И мигом она стала эталоном всего прекрасного и изящного – та, на которую показывали пальцем как на гулящую. Думается, этот сюжет еще ждет своего Шекспира.

В истории немного найдется таких активных и ответственных государственных деятелей, как Феодора. Этапы чудесных превращений этой необыкновенной женщины сравнимы только с биологической цепью «гусеница – куколка – бабочка»: каждый следующий этап – это совершенно другое существо. От бесшабашной и распутной нимфетки ничего не осталось. Импера-

трица Феодора – это достойнейшая правительница своей эпохи, которой груз ответственности за многонациональное и трансконтинентальное государство оказался вполне по силам.

Она занималась государственными делами с не меньшим, а то и большим энтузиазмом, чем муж: принимала иностранные делегации, утверждала бюджет, назначала и снимала с должностей, казнила и миловала.

Особо благодарны должны быть ей грядущие поколения, выросшие на византийской почве, за ее смелую позицию во время восстания Ника. Мятеж в столице достиг такого масштаба, что Юстиниан, показавший себя крайне непоследовательным, никудышным политиком, уже снарядил три корабля, собравшись бежать.

Тогда Феодора на государственном совете сказала столь выразительную речь, обращенную к Юстиниану и прочим потенциальным дезертирам, после которой смерть при защите города и короны показалась им сущим благом в сравнении с позором бегства. Когда защитники города снова поверили в себя, дело оказалось проще простого – окружить ипподром, на котором заговорщики устроили «мирную демонстрацию», и порубать всех до единого. Говорят, никто не вышел. И завтра в городе уже было спокойно.

Законодательная и благотворительная деятельность Феодоры была ознаменована главным образом законами, облегчающими жизнь женщин. Она же запретила гомосексуальные связи и установила простое наказание – оскпление. Монастыри, клиники, приюты, храмы, фортификационные сооружения были построены под ее кураторством.

Ни внутреннюю, ни внешнюю политику она не выпускала из поля зрения, мир и война с сопредельными государствами были в ее власти. Разбив варваров на севере, Юстиниан намного расширил границы Византии, включив в состав империи области, находившиеся под протекторатом Рима. Если бы не супруга, августейший монарх и пальцем бы не пошевелил.

Вот такая история про византийскую «золушку», ставшую «вольною царицей и владычицей морскою».

Феодора умерла от рака 28 июня 548 года. Похоронили ее в храме Двенадцати апостолов, Юстиниан дал обет безбрачия и с тех пор клялся только ее именем.

Фредегунда

Эта история напоминает кровавый телесериал и дает представление о том, откуда растут ноги у жанра «фильм ужасов».

Дело было в Богом забытом VI столетии нашей эры, когда после падения Римской империи свет культуры в большей части Европы потух и наступило всеобщее одичание. В наступившей тьме рыскали варвары, вандалы, готы, которые в понимании среднего гражданина Византии того же века мало чем отличались от бурых медведей.

Краткий пересказ триллера приводится по двум источникам: хроникам современника и очевидца всех этих кошмаров Григория Турского «История франков», а также по написанной двумя столетиями позже «Книге истории франков». В роли главной злодейки – королева Нейстрии Фредегунда (ок. 540/545 – 597).

561 год нашей эры. Умирает Хлотарь – первый наследник основателя государства франков Хлодвиг I. Трое сыновей делят между собой наследие. Так появляются три королевства: восточное, Австрия, признается за Сигибертом, Нейстрия на западе отходит к Хильперiku, Бургундия же остается Гонтрану. Поделили вроде честно, но не сказать, чтобы это их успокоило на века, всегда найдется повод для зависти. А если уж правду сказать, то каждый спал и видел двух других своих братьев в сырой земле, а их земли – в своем единоличном владении.

В свободное от бандитских набегов время братья, как и подобает потомственным рыцарям, упражнялись, кто больше употребит алкоголя, в искусстве превращения девушек в женщин и выясняли, «кто кого сильнее поколотит». В общем, время коротали весело.

Самым просвещенным из троих был, пожалуй, Хильперик: его вечно тянуло что-то строить (цирки в Орлеане и Париже, например), менять алфавит (добавил к латыни три буквы и стал отцом древнегерманской азбуки). Потому, видимо, он мало кем был понят и обозлен на всех. Особенно утомляли современников его разглагольствования на богословские темы: о таинстве Троицы, например, или как покрестить всех евреев.

Стараясь быть понятным обществу, не в меру просвещенный Хильперик распутствовал и безумствовал похлеще остальных, с особым тщанием, усердно делая вид, как ему это все нравится. В итоге найти женщину, с ним не переспавшую, на вверенной ему территории из современников никто не брался.

Можно себе представить, с каким удивлением он обнаружил однажды незнакомую женщину в своем собственном замке. «Почему не знаю?» – воскликнул он и добавил еще три буквы из изобретенного им алфавита.

Знал бы он, на кого нарвался! В его замок каким-то образом просочилось самое что ни на есть исчадие ада, которое еще всем даст прикурить. А по имени – просто Фредегунда, да и внешне – весьма и весьма! Девушка оказалась новенькой служанкой королевы Аудоверы и – тут же выяснилось еще кое-что – самой искусной и сладострастной любовницей на всем белом свете.

После того как Хильперик в этом убедился, ему уже не захотелось уезжать на очередную войну, да пришлось. А пока доблестный рыцарь искал новых подвигов, супруга родила, и коварная Фредегунда как бы невзначай посоветовала своей госпоже самостоятельно крестить свою дочь в отсутствие достойной кандидатуры крестной матери. Тут Аудовера, видимо, не столь просвещенная, как ее муж, сделала главную ошибку в своей жизни – послушалась совета Фредегунды.

Но вот вернулся Хильперик, и Фредегунда, лукаво улыбаясь, задает ему с виду не более чем шаловливый вопрос: «С кем же мой господин разделит сегодня ложе?» Не придавший этому значения король отправился в опочивальню к жене. Но уже в тот же вечер, поняв, что

произошло, навсегда отстранил от себя Аудоверу, впоследствии выгнав ее и отправив в монастырь.

Эта притча о том, как важно быть политически грамотной даже супруге короля. Оказывается, в то дремучее время церковью были запрещены близкие отношения с кумовьями! И Хильперик, учитывая его положение, не мог игнорировать эту догму.

Так Фредегунда впервые убрала с дороги того, кто ей мешал. В результате служанка заняла место королевы!

В это время пришло известие из Австразии: Сигиберту надоела беспутная жизнь, он женится! Увидев в этом что-то новенькое, как минимум увесистый мешок с приданым, Хильперик решил не отставать от брата и тоже объявил засватанную дочь правителя вестготов Галесвину своей единственной до гроба. Условие было жестким, король вестготов шутить не любил.

Потеряв вместе с Хильпериком мечту о царской короне, Фредегунда проявила чудеса настойчивости и снова устроилась в замок прислужой. Долго строить глазки августейшему жеребцу и принимать самый несчастный вид не пришлось, молодая жена была вытеснена с брачного ложа. Хильперик и не жил с Галесвинтой, и домой ее не отпускал: подарки не отдарки.

В конце концов Хильперiku надоело слушать нытье жены, и он ее задушил. А уже через восемь дней, игнорируя обязательный траур, официально женился на Фредегунде. «От поминок холодное пошло на брачный стол...» Как видим, история Гамлета типична для своего времени.

Так Фредегунда добилась своей цели, как бы фантастично та ни звучала поначалу: она – королева! И тут началось самое интересное. За время своего владычества Фредегунда своими действиями как никто другой постаралась запечатлеть в памяти потомков, как на самом деле выглядит Медуза горгона в исполнении франков середины I тысячелетия от Рождества Христова.

Началось с того, что супруга Сигиберта Брунгильда, узнав о безвременной кончине своей сестры, не поверила, что та умерла своей смертью. Сигиберт, подстрекаемый женой, набросился на Хильперика. Хильперик решил, что брата снова потянуло на «кто кого сильнее поколотит», и пошел войной. И был так поколочен, что скрылся с поля боя в неизвестном направлении. Сигиберт беспрепятственно занял Париж и назначил церемонию коронации на ближайшую пятницу.

Фредегунда не стала ждать, когда ее лишат трона, и решила, что правильнее будет руками своих людей лишить жизни короля Австразии. Он был пронзен отравленными ножами. Самим наемникам это тоже стоило жизни.

Узнав об этом, Хильперик прозрел: так, значит, он победил! И первым делом захватил главный трофей – прекрасную Брунгильду.

Это не входило в планы Фредегунды. Мысленно она стала внимательно перелистывать картины самых изощренных убийств. Но тут подоспел со своей страстью к трофею папы один из его сыновей от Аудоверы. Брунгильда из соображений мести согласилась.

Хильперик был взбешен. Сына – в монастырь, Брунгильду – туда, откуда пришла! В результате отпрыск наложил на себя руки, а Брунгильда вернулась царствовать в Австразию.

Не без удовлетворения узнав о смерти наследника престола, Фредегунда продолжила избавляться от детей Аудоверы. Вскоре все они были мертвы, как и сама Аудовера в монастырском заточении.

В общем, люди в окружении Фредегунды умирали, как мухи, она даже начала опасаться, что скоро ей нечем будет заняться. Заодно она открыла, что кровопролитие, месть и пытки доставляют ей наслаждение куда большее, чем секс, которым она, по природе своей, никогда насладиться не могла.

Однажды по ее приказу палачи привязали провинившегося управляющего замка к колесу и несколько часов полосовали его ремнями. Наконец, обессилев, присели перекурить. Больше им ни приседать, ни курить не пришлось: им отрубили кисти рук и ступни ног.

Кстати, костры инквизиции тоже можно считать изобретением августейшей особы. В 577 году эпидемия оспы унесла всех детей Фредегунды. Она обвинила в колдовстве трех женщин и сожгла их на костре.

Но короне все-таки нужен преемник. Стареющему, истощенному Хильперiku на это нечего было возразить, но надеяться на него в столь щепетильном вопросе королева не стала. В этом деле государственной важности совершенно секретно с большим воодушевлением приняло участие чуть ли не все королевство. Результат коллективного труда назвали Хлотарем и объявили наследником престола.

После рождения сына новая волна сексуальной революции ударила в голову ненасытной королеве. Это уже было просто безумие и бешенство, через нее проходили толпы мужчин. Бедный муж как-то осмелился заглянуть к ней в спальню. Фредегунда сидела спиной к двери и, не видя вошедшего, назвала его именем другого мужчины...

Что ж, после этого пришлось убить и Хильперика, который даже не успел понять, как он ошибся. Несчастный случай на охоте – и все дела.

Вот и настал тот момент, когда все цели достигнуты, все лишние люди с дороги убраны, и королеве нечем заняться. Теперь, когда растрчивать свою неумную энергию больше не на что, замок был превращен в настоящий, непревзойденный сексодром. От десяти и более истощенных за ночь мужчин буквально выползали из покоев королевы франков. Из них те, кому не удалось адекватно ответить на ее изысканные запросы, – без гениталий.

13 лет непрерывающегося секс-марафона. До самой смерти.

А потом мы спрашиваем, откуда берутся Франкенштейны, Фредди Крюгеры и английские детективы...

В 597 году Хлотарь II наконец воссел на престоле. Его матушка отдала душу. А кому – Богу или дьяволу, – история умалчивает.

У Цзэтянь (У Хоу)

Эта гетера, не имевшая знатного происхождения, почти полстолетия фактически правила Китаем, пережив двух императоров (Тай-цзуна и его сына Гао-цзуна) и приняв титул У Цзэтянь – «первая и единственная женщина, единолично правившая Китаем».

В императорском дворце У Хоу (624–705), как звали девушку, провела фактически всю жизнь: в гарем императора она была доставлена 13-летней. За 12 лет, остававшиеся до смерти Тай-цзуна, наложница успела очаровать не только владыку Поднебесной, но и его сына, молодого Гао-цзуна, что сыграло решающую роль в ее дальнейшей биографии. Традиция была такова, что жены императора после его смерти отправляются до конца своих дней в монастырь. Но Гао-цзун не захотел прерывать отношения с бывшей наложницей отца и в итоге забрал ее из монастыря.

Через пару-тройку лет, пользуясь доверием Гао-цзуна, У Хоу расправилась со всеми, кто мог составить ей конкуренцию, прежде всего – с женой своего господина. Сама же заменила ее тем, что родила ему пятерых детей, и в 655 году была провозглашена императрицей.

У Хоу от рождения обладала крутым нравом и не по-женски сильной волей. Рассказывают один случай. У Тай-цзуна в конюшнях появился жеребец, которого никто не мог объездить. Видя такое дело, девушка с горячим сердцем предложила свои услуги. Она попросила лишь крепкий клинок и железный прут. Ее спросили зачем – и она с невинным видом объяснила, что строптивому животному надо хорошенько надавать прутом по бокам; если будет мало, тогда по голове; а коли не поможет и это, тогда... отрезать ему кинжалом язык. Испуганный император переспросил: «Язык?» «Язык!» – твердо подтвердила красавица. После этого Тай-цзун уже не приглашал ее на свое ложе. Боялся при ней уснуть и расслабиться, наверное.

Для того чтобы получить императорский титул, честолюбивая У Цзэтянь задумала и осуществила хитрый замысел, который оказался настолько чудовищным в исполнении, что ей поверили. У Гао-цзуна не было наследника, супруга не могла родить. А наложница уже имела от него первенца. Ребенок считался императорским, У Хоу рассматривалась только как его кормилица. После очередного посещения императрицы (та заходила полюбоваться малышкой, поулюлюкать) У Хоу, не дав себе времени подумать, какое злодейство она совершает, набросила на головку своей дочери одеяло и продержала до тех пор, пока она не перестала дышать.

Зашедший через время Гао-цзун нашел девочку мертвой. Император в гневе был страшен, но У Хоу удалось так убедительно разыграть горе, что Гао-цзун, в сознании которого, видимо, не укладывалось, что мать может убить свое дитя, набросился на жену с обвинениями в детоубийстве. Казнить ее он не стал, но больше к себе не допускал – У Хоу вышла на первую позицию, которую Гао-цзун потом закрепил своим указом, проигнорировав общепринятые представления о том, что женщину к управлению государством допускать нельзя.

Поэтическая душа китайского народа воспела их, делящих один престол, назвав «Двумя святыми», а вот правящие круги были возмущены и позволяли себе даже высказывать беспокойство по поводу нечестивой связи бывшей наложницы императора Тай-цзуна с его сыном, это считалось равносильным инцесту. Все недовольства были внимательно зафиксированы новой императрицей и постепенно сняты с повестки дня посредством избавления от недовольных. Главный свой удар она нанесла по придворной группировке дяди своего супруга: там кого обезглавили, кого удушили, особо вельможных топили в вине. В итоге в 660 году бороться оказалось уже не с кем, так что можно было и государственными делами наконец заняться.

Видя такой энтузиазм супруги в наведении порядка в государстве, Гао-цзун решил, что ее энергии хватит на двоих, и отошел от штурвала. В итоге У Цзэтянь дошла до того, что взялась и за армию. Вот уж где отвела душу! По себе зная, каким комплексом качеств необходимо обладать, чтобы успешно вести кровопролитные войны, владычица У провела такие

перестановки в генералитете и продемонстрировала такие методы убеждения, которые наконец помогли императорским войскам захватить Корейский полуостров. Это стало серьезным ударом по династии Тан, которая десятилетиями не могла справиться с этой задачей.

Убрав после смерти Гао-цзуна в 683 году всех его наследников и посадив на трон своего сына Чжун-цзуна, У Цзэтянь добила династию Тан и провозгласила начало правления новой династии Чжоу.

Слабовольный сынок не оправдал надежд, оказавшись подкаблучником своей жены, а Поднебесной, по глубокому убеждению императрицы, требовалась сильная рука. Так что Чжун-цзуна она сняла с занимаемой должности и отправила вместе с женой в ссылку, на престоле же оказался ее следующий сын, Жуй-цзун, который, по крайней мере, умел слушаться маму. В ответ в стране кто-то попытался побунтовать и тем самым дал госпоже Китая продемонстрировать, что будет с каждым, кому эта безумная мысль впредь придет в голову.

Еще оставались в стране неосторожные романтики, мечтавшие возродить династию Тан. В Янчжоу образовался тайный революционный кружок во главе с Сюй Цзином и Ло Биньваном. Последний для поднятия настроения народных масс набросал какую-то прокламацию, которая попала в руки повелительницы Поднебесной. Ей зачитали – она поинтересовалась, чьему перу принадлежит сие гениальное произведение, в котором, в частности, вспоминается о ее происхождении, недостойном трона. Узнав имя автора, она сокрушенно воскликнула: «Какой талантище, а прозябает в неизвестности!» И решила вписать имя Ло Биньвана в анналы истории. Это восстание она удостоила отправки карательного отряда в 300 тысяч штыков. Мятеж был жестоко подавлен, вожаки убиты.

В 690 году У Цзэтянь отправила сына на заслуженный отдых и сама себя провозгласила императором. Это было неслыханно, все понимали, что «так нечестно», но возражений ни у кого не возникло. Тут быстро сориентировались проникшие из Кореи в страну буддисты и «нашли» где-то в своих священных книгах пророчество, подтверждающее право божественной У Цзэтянь на престолонаследие. Сама У провозглашена Шакти Бодхисаттвы (женской инкарнацией божества). После этого буддийские храмы, монастыри и ашрамы стали расти в стране как грибы.

После провозглашения династии Чжоу престолонаследниками в своих радужных мечтах стали считать себя все родственники У Хоу. Надо было их отрезвить и вернуть с небес на землю. С этой целью У Цзэтянь призывает снова во дворец Чжун-цзуна и называет его будущим владыкой Поднебесной.

В целом деятельность У Цзэтянь на высшем государственном посту можно оценить положительно. Она продолжила период расцвета Китая, начавшийся с династии Тан. При ней в стране была строгая вертикаль власти, что способствовало наведению порядка во всех сферах социальной и экономической жизни. Этот период ознаменован активным развитием промышленности и сельского хозяйства, реформой армии, приведшей к долгожданным победам, внимательной и грамотной кадровой политикой.

Запомнилась У Цзэтянь и некоторыми «гениальными идеями», характерными для диктаторского режима. Так, она пыталась дополнить китайскую грамоту десятками недостающих, с ее точки зрения, иероглифов (в истории не сохранились). Также, думая отомстить всем представителям сильного пола за унижения в бытность свою наложницей, внесла изменения в придворный церемониал: отныне прием по личным вопросам начинался с «облизывания тычинок лотоса», то есть с куннилингуса, долженствующего знаменовать наступление эпохи господства женщин над мужчинами. Впредь без выражения своего уважения в такой форме к ней не заходил даже премьер-министр с докладом.

Вообще, в последние годы жизни разум восседающей на троне стал отказывать. С этим надо было что-то делать, и в феврале 705 года придворная карьера У Хоу была окончена. В результате дворцового переворота императором был провозглашен Чжун-цзун, а престарелая

императрица переведена в тихий уютный домик в окрестностях столицы – доживать свой век. Там У Цзэтянь и умерла, достигнув возраста 82 лет.

Место для ее праха было подготовлено сразу после ухода из жизни Гао-цзуна – в мавзолее Цяньлин, рядом с его телом. Перед входом была установлена громадная каменная стела с орнаментом, но без единого слова. Почему, можно строить гипотезы, но так или иначе, эпитафию при захоронении посчитали неуместной. Памятник значится в списках ЮНЕСКО.

Мария Склирена

Мария Склирена (? – ок. 1045) была представительницей благородного рода и принадлежала к той же фамилии, что и византийская императрица Елена, приходясь ей то ли кузиной, то ли племянницей. Осталась в истории как фаворитка императора Константина IX Мономаха, удостоенная титула «севаста», или «августа», – «священная, величественная», то есть равная Их Императорским Величествам. Вполне могла быть бабушкой Великого князя Киевского Владимира Всеволодовича Мономаха.

О Марии вообще мало что известно, в основном мы знаем о ней по «Хронографии» византийского историка Михаила Пселла, жившего в одно время с героиней данной истории. Пселл описывает Марию как «красивую и вообще-то целомудренную девушку» и недоумевает, чем ее мог соблазнить Константин: «...Подарками, то ли обольстил любовными речами, то ли воспользовался какими-то иными средствами».

О легкомысленной и ветреной натуре тогдашнего фаворита императрицы Зои в Константинополе ходили анекдоты. Своим возвышением он обязан не себе и своим достоинствам, а поначалу своему зятю Роману III Аргиру в период его правления, а впоследствии уже самой Зое. Их связь с Зоей вызывала недовольство при дворе, потому следующий царь Михаил IV Пафлагонянин отправил Константина с глаз долой – на остров Лесбос.

Мария так полюбила незадачливого Константина, что продала все свое имущество и отправилась в ссылку вместе с ним. Она не представляла себе жизни без него.

Конечно, в самых сладких своих мечтах она видела Константина в царской короне и себя рядом с ним на престоле, но судьба не пожаловала ей знаков царской власти.

После смерти Михаила IV и свержения следующего за ним Михаила V Зоя Порфирородная, оставшись фактически единовластной правительницей, возвращает своего любовника в столицу и вступает с ним в брак. Зое было уже за 60, разница в возрасте между супругами была столь явной, что патриарх отказался участвовать в этом фарсе, мотивируя свой отказ тем, что православная церковь не приветствует такие браки. Венчание все равно состоялось, хотя венчавший их первый пресвитер Святой Софии так и не посмел возложить на них руки, лишь обнял.

Главным условием Константина было, чтобы Мария вернулась в Константинополь к нему. Зоя сдержала слово и приняла любовницу своего давнего любовника, а теперь супруга, как родную. Это ж надо так любить мужчину!

Константин поселил Марию в доме, выглядевшем неброско, но объявил его своей резиденцией и тут же начал перестраивать, что позволило ежедневно приезжать к Марии якобы по делу – контролировать ход строительных работ.

Однако отношения их невозможно было скрыть, все равно они были на виду у всего общества, а раз нельзя скрыть, значит, нужно узаконить. Для начала, чтобы уgomонить недоброжелателей и заткнуть рты сплетникам, мудрая императрица (не без влияния Константина, конечно) дарует Марии титул севасты, который требует от всех соответствующего обращения к обладательнице – не ниже «госпожа» и «царица». Мария принадлежала к роду Склиров, уже сидевшему на престоле во времена Елены, так что особого ропота этот шаг вызвать не должен был. Однако родственники Константина, давно бывшие во вражде со Склирами, вместе со сторонниками Македонской династии (к которой принадлежал Константин) распространили слухи о замысле Константина убить Зою вместе с сестрой ее Феодорой – «наших единственных матушек!», – чтобы жениться на Марии и сделать ее императрицей.

Чтобы показать, насколько нелепы подобные измышления, и вернуть спокойствие горожанам и обществу, обеим царицам (Феодора как сестра формально уравнивалась в правах с

Зоей) пришлось выйти на балкон дворца – живым, здоровым и лишенным каких бы то ни было опасений.

Безусловно, Константин тоже мечтал сделать свою любимую законной правительницей и в конце концов так бы и поступил, несмотря на целые военные действия, развернутые против него при дворе (измена военачальника Георгия Маниака – лишь вершина айсберга, известная истории), если бы Мария вдруг не заболела чем-то таким, от чего лучшие лекари мира не смогли спасти. Ее мучили боли в груди, наконец дышать стало нечем, и она умерла.

Он долго строил Манганский монастырь, даже учредил специальный налог. Там был установлен великолепный саркофаг, ждавший его смерти. Его, а не ее! Но первой в этот саркофаг легла Мария. Константин возляжет рядом через 10 лет, в 1055-м.

Пселл, бывший свидетелем трагедии, написал по случаю возвышенную эпитафию. Марию он описывал так: «В ее внешности не было ничего замечательного, но не давала она поводов и для осуждения или насмешек; что же касается ее нрава и ума, то первый мог смягчить и камень, а другой способен был постичь что угодно; несравненной была и ее речь: утонченная, украшенная цветами красноречия, ритмизированная, как у искусных ораторов; сладостные слова сами собой струились с ее уст и придавали говорящей несказанную прелесть. Нередко покоряла она и мое сердце вопросами об эллинских мифах и сама добавляла, если ей довелось что-нибудь услышать по этому поводу от знатоков. Слух у нее был чутким, как ни у какой другой женщины, и связано это, как я полагаю, не с ее природой, а с тем, что все кругом, и она знала это, судачили на ее счет; слово, процеженное сквозь зубы, было для нее уже молвой, а шепот давал основания для подозрений».

Джоан Клиффорд

Среди самых романтических европейских легенд, столетиями будоражащих сердца и умы людей, – песнь о Розамунде, в основе которой история любви Джоан Клиффорд (1150–1176) и Генриха II. Эта история воспета столькими поэтами и менестрелями и обросла такими пышными цветами творческой фантазии, что за фасадом с амурами и розочками уже не различить истины.

По легенде, вельможному английскому королю приглянулась девушка из простого сословия – дочь булочника Розамунда (в переводе с латыни «роза мира»). Девушка, восхищенная королевским вниманием, приняла ухаживания, в ее сердце вспыхнула ответная страсть. Опасаясь мести ревливой и коварной королевы Алиеноры, узнавшей о романе своего супруга, Генрих решает спрятать возлюбленную в специально построенном лабиринте замка Вудсток, ориентироваться в котором можно лишь с помощью шелковой нити. Хитрая и мстительная Алиенора была настойчива в поисках. Вот уже нить у нее в руках – она находит Розамунду и предлагает ей самой выбрать, от чего умереть: от яда или от кинжала. Розамунда приняла яд и умерла в судорогах. Узнав об этом, Генрих, вернувшийся из похода, предал Алиенору пожизненному заточению. Прожив еще несколько лет в жгучей тоске по ушедшей из жизни любимой, он скончался в годовщину ее смерти.

Таковы черты, приписываемые этой истории народным воображением. Но что же было на самом деле?

Джоан Клиффорд, дочь лорда Уолтера де Клиффорда и Маргарет Исабель де Тосни, родилась, по данным большинства источников, в 1150 году. Король впервые увидел 13-летнюю Джоан в ее фамильном замке, а, конечно же, не в булочной, по дороге с какой-то одной войны на другую. Розамунда, как ее прозвали впоследствии, была прекрасна не только внешне, но и внутренне, она и вправду была нежна, как цветок, скромна и доброжелательна.

30-летний Генрих Плантагенет уже был женат. Королева Франции Алиенора Аквитанская, старше его на 11 лет, была из тех женщин, что берут жизнь в свои руки, а не ждут с моря погоды. Ее так пленил 17-летний юноша, прибывший однажды к королю Франции вместе со своим отцом, что ни разница в возрасте, ни в социальном статусе (Генриху и не светило тогда стать королем) не могла ей помешать соединиться с ним.

Алиенора пошла на развод с Людовиком VII и в 1152 году вышла замуж за Генриха Плантагенета. Бывший супруг, оскорбленный еще и тем, что Генрих не пошел к нему на поклон, а решил свою судьбу сам (каждый подданный должен был подавать королю прошение о браке), пошел на Генриха войной и был разбит.

Воодушевленный успехом и подбадриваемый супругой, Генрих проводит двухлетнюю военную кампанию по утверждению своего права на трон. И все-таки, если бы не Алиенора с ее владениями в Аквитании, не видать бы молодому графу королевской короны как своих ушей.

Новоявленный король Англии был маленький, толстенький и рыженький. Правда, энергии в нем было на семерых. Их с Алиенорой, часто плечом к плечу сопровождавшей его в походах, объединяли, главным образом, честолюбивые амбиции. А через 14 лет совместной жизни стали объединять еще и 8 детишек.

И в это время Генриху, уже повторно, как на беду, встречается повзрослевшая и округлившаяся красавица Джоан, которая к тому же на 28 лет моложе его благоверной. Жена в это время беременна восьмым...

Казалось бы, неблагодарная скотина – самое мягкое, что о нем можно сказать, но в легендах так не говорят, а в песнях поют: благородный рыцарь, добрый молодец...

Алиенора, до сих пор смотревшая сквозь пальцы на некоторые увлечения своего мужа, на этот раз обиделась не на шутку. Восемь лет королевская чета прожила в состоянии необъяв-

ленной войны, а в 1174 году Алиенора таки не выдержала и поддержала бунт их сына, Ричарда Львиное Сердце, против Генриха. Оставшиеся 16 лет ей довелось провести в заточении, так распорядился супруг. С этого момента королю больше нечего скрывать: королева по его приказу брошена в крепость, и Прекрасная Розамунда отныне всегда с ним, на виду у всех.

О причинах их расставания мало что известно. Последние свои дни, спустя два года, казалось бы, безоблачной жизни с Генрихом, Джоан Клиффорд проводит в монастыре Годстоу. Скорее всего, Джоан не вынесла насмешек и обвинений в греховной связи и ушла в монастырь, чтобы очиститься. Известно, что как раз в 1174 году священник из Уэльса Гиральд Камбийский в своей проповеди назвал Розамунду «розой распушенности, нецеломудренности», что в символическом контексте звучало весьма изощренным оскорблением, завуалированным под эвфемизм, смысл которого был анекдотически прозрачен. Видимо, Джоан, попав в скабрзные анекдоты, не смогла с этим жить.

Легко убедиться, насколько могут не совпадать легенда и действительная история. В романтике народных песен Алиенора – коварная, злая, мстительная убийца Розамунды, тогда как на самом деле она ни в чем не виновата и на момент смерти последней уже два года содержалась под стражей в каменном мешке.

Возможно, легендарные измышления объясняются английским патриотическим духом? Ну не любят англичане иноземцев, не простили они Алиеноре бунт против мужа, своего короля. Может, его потому и потянуло к тихой гавани Джоан, что француженка ему всю жизнь испортила: сначала этой короной, потом этими детьми. Заставляла искать славу и доблесть в постоянных походах. И в конце концов он попал в историю! А королю хотелось в легенду, к розе мира...

Даже Чарлз Диккенс, и тот не выдержал и в своей книге для детей «Истории Англии» намекнул на некоторые отличия реальной истории от всем известной сказки о Розамунде: «Прекрасная Розамунда, – осторожно начинает он, – разумеется, была на самом деле, и была она (осмелюсь сказать) самой прекрасной девушкой на земле, и король, конечно же, был ею очарован, и плохая королева Алиенора, разумеется, была вне себя от ревности. Но я боюсь – я говорю, боюсь, потому что история эта мне ужасно нравится, – что не было никакого тайного убежища, ни лабиринта, ни шелковой нити, ни кинжала, ни яда. Я боюсь, что Прекрасная Розамунда ушла в монастырь возле Оксфорда и мирно там почил».

К могиле Джоан Клиффорд началось настоящее паломничество: в основном девушки и женщины, каждая со своим грехом, приходили исповедоваться и раскаться перед той, что стала для них примером победы душевной чистоты над чувственной природой телесности.

Даты смерти Джоан и Генриха совпадают – 6 июля, разнятся лишь годы: 1176-й – она, 1189-й – он. Так что о смерти легенда не врет: «Жили они счастливо и умерли в один день».

Эпоха возрождения

Леонора Теллеш де Менезеш

Леонора Теллеш (1350–1386) принадлежала к знатному португальскому роду Теллеш де Менезеш. Когда-то это были кастильские бароны. Барон, отвоевавший Альбуркерке у мавров, женился на внебрачной дочери португальского короля Саншу I. Его потомки от этого брака поступили на португальскую службу.

Дядя Леоноры, Жуан Афонсу Теллеш де Менезеш, с 1370 года носил титул графа Барселуш и был очень влиятельным человеком при дворе. Ее сводная сестра была супругой первого графа Бенаvente, а кузина – женой одного из последних Хиронов (их потомки носят сдвоенную фамилию Теллеш-Хирон).

Юная Леонора рано вышла замуж за португальского дворянина Жуана Лоренсу де Кунья. Вскоре у них родился сын.

Мария Теллеш, сестра Леоноры, была фрейлиной инфанты Беатрисы, дочери короля Педру I, и его второй жены Инес де Кастро. Навещая сестру, Леонора познакомилась с Фернанду I (братом Беатрисы, сыном Педру и Констанцы Кастильской), девятым королем Португалии. Девушка так очаровала Фернанду, что он развел ее с мужем и выслал его в Кастилию. Если верить легенде, после этого де Кунья добавил к своему родовому гербу золоченные рога. А Фернанду и Леонора тайно обвенчались 5 мая 1372 года в монастыре недалеко от Матозиньюш. Взяв в жены Леонору Теллеш, Фернанду отказался от брака с кастильской принцессой Элеонорой Арагонской (дочерью короля Энрике II), что усугубило напряженность отношений с Кастилией и негативно повлияло на заключенный незадолго до этого военный альянс.

В браке с Фернанду у Леоноры родилась дочь Беатриса. Однако муж сестры, инфант Жуан, вызывал у новоиспеченной королевы опасения по факту престолонаследия. Считается, что Леонора подтолкнула Жуана к убийству жены, обвинив ее в неверности и пообещав якобы обманутому супругу руку своей дочери. Однако обещание она не сдержала, и Жуан был изгнан из Португалии в Кастилию, где получил от короля герцогство Валенсия-де-Кампос.

Ранний брак Беатрисы был в первую очередь продиктован политической необходимостью. Король Фернанду неоднократно организовывал и отменял помолвку дочери. Чтобы укрепить союз с Англией, девятилетняя Беатриса была даже помолвлена с восьмилетним сыном герцога Кембриджского Эдмонтом. Однако в конце концов Леонора уговорила мужа выдать девочку за короля Кастилии и Леона – Хуана I, потерявшего свою первую жену, Элеонору Арагонскую. Хуан охотно согласился на этот брак, учитывая, что женитьба на португальской наследнице делала Португалию провинцией Кастилии. Свадебное торжество назначили на 17 мая 1383 года в Элваше (Беатрисе тогда было всего одиннадцать лет). Это событие вызвало в народе недовольство королевой Леонорой, поскольку именно она спланировала этот брак.

После смерти Фернанду 22 октября 1383 года Леонора, согласно брачному договору, получила регентство при своей дочери и ее зяте (так как законных наследников мужского пола король не оставил). Основными претендентами на престол были незаконнорожденные братья Фернанду: инфант Жуан, высланный в Кастилию, и инфант Жуан, сын Педру и Терезии Лоренцо, магистр ордена Святого Беннета Ависского. Временной промежуток с 1383 по 1385 год, когда в Португалии не было коронованного монарха, считается смутным временем, периодом гражданской войны и анархии.

Став регентом, Леонора не скрывала своих отношений с любовником, графом Жуаном Фернандешем Андейру, весьма непопулярным в стране из-за своего испанского происхождения. В связи с этим она получила в народе презрительное прозвище Продажная (или Пре-

дательница). А брак ее дочери Беатрисы с кастильским королем (что, как уже упоминалось, делало Португалию испанской провинцией) лишь подливал масла в огонь, усиливая всеобщее недовольство.

Первые враждебные действия против существующей власти предпринял магистр ордена Святого Беннета Ависского Жуан I, который 6 декабря 1383 года при поддержке своих сторонников устроил во дворце переворот, во время которого был убит любовник Леоноры. Благодаря этому заговору Жуан возглавил оппозицию, которая спровоцировала начало процесса передачи регентства над Беатрисой, находившейся в это время в Бургосе с мужем. Сторонники Жуана I захватили Лиссабон, Бежа, Порталегри, Эштремош и Эвору. Леонора была вынуждена бежать, а ее зять ввел в Португалию свою армию и оккупировал Сантарен. Чтобы сохранить корону своей супруги и отстоять право на престол для новорожденного сына, Жуан Кастильский убеждает Леонору отказаться от регентства и берет управление государством в свои руки.

В Португалии вспыхнуло восстание, сопровождаемое вооруженными столкновениями с кастильцами. Когда Жуан Кастильский начал осаду Лиссабона (без коронации в столице ни он сам, ни его жена Беатриса не считались полноправными правителями), сторонники Жуана Ависского продолжили наступление на города, поддерживавшие кастильцев. Находясь в это время в Сантарене, Леонора тоже пыталась участвовать в политической игре.

В конце концов большинство португальских городов, бывших на стороне Кастилии, оказались захвачены. Жуан Ависский созвал в Коимбре Португальскую королевскую ассамблею, и 6 апреля 1385 года совет королевства провозгласил Жуана, магистра Ависского ордена, десятым королем Португалии. Это фактически послужило началом войны с Кастилией.

Леоноре пришлось бежать в Испанию, где она нашла убежище в монастыре Тордесильяс, недалеко от Вальядолида. Там она и скончалась 27 апреля 1386 года. Согласно иной версии, в монастырь ее сослал собственный зять, Жуан Кастильский, в ответ на затеянный против него заговор.

Изабелла Баварская

Изабелла Баварская (1371–1435), типичная королева своего времени – яркий пример ничем не ограниченного распутства, процветавшего при дворах европейских монархий, среди которых по этому показателю пальма первенства принадлежала, безусловно, двору французскому.

Отец Изабеллы Стефан III Ингольштадтский по достижении дочерью 15-летнего возраста получил выгодное предложение от Филиппа Смелого выдать свое сокровище замуж за действующего короля Франции Карла VI Безумного. У Карла и правда было психическое расстройство, которое постоянно прогрессировало, так что идея заключалась, конечно, не в соединении двух любящих сердец. Отец Карла Безумного Карл Мудрый (какова ирония судьбы!), умирая, просил своих братьев, будущих регентов при неполноценном дофине, женить его на девушке германских кровей, дабы породнить два монарших дома и тем самым укрепить позиции Франции в перманентной борьбе с Англией. Для другой стороны наведение мостов с Францией, занимающей ключевое геополитическое положение в Европе, также было выгодно.

Герцога беспокоило только одно: атмосфера французского двора, тамошние стандарты поведения, о которых ходили такие слухи, что Стефан небезосновательно боялся опозориться. Чего стоил хотя бы «смотр» – традиционная процедура, при которой невеста перед венчанием раздевалась в присутствии придворных дам, а те осматривали ее на предмет невинности и материнской состоятельности.

Семнадцатилетний Карл VI был так взбудоражен новостью о женитьбе, что насилу дождался приезда своей будущей супруги и уже на третий день, хотя свадебное платье не было готово, повел ее под венец. В силу физиологических особенностей своего организма Карл был необыкновенно чувствителен и возбудим, это его свойство было настолько гипертрофированно выражено, что выдавалось за побочный эффект его психического заболевания.

17 июля 1385 года в Амьене Карл и Изабелла обвенчались. Свадебный пир был организован с невиданным шиком, с него Франсуа Рабле мог бы писать эпизоды к своему роману «Гаргантюа и Пантагрюэль». Но молодожены не стали засиживаться и удалились возлечь на брачном ложе.

Эта ночь произвела на Карла VI такое впечатление, что уже утром он был полон решимости выступить против Англии и умчался во Фландрию осматривать свой флот.

Изабелла проснулась в замке Боте-сюр-Марн в одиночестве. Возможно, впервые она оказалась без присмотра, предоставленная самой себе. Выйдя к гостям и осмотревшись, она встретилась глазами с мужчиной, к которому ее повлекло. Это был Буа-Бурдон – юноша, весьма интересный внешне и обладавший безукоризненными манерами. Следующую ночь она провела уже у него в постели.

Буа-Бурдон с удовольствием посвятил ее в тайны французского двора. Изабелла слушала восхищенно и впервые ощутила, как бы ей хотелось померяться силой в искусстве плетения интриг. Она сказала Буа-Бурдону, что готова на все, а наградой ей будет максимальное влияние при дворе, которое ощутит на себе каждый. Тогда молодой человек подкинул ей несколько творческих идей, и Изабелла включилась в игру.

Вскорости она уже «сдавала экзамен» по теории придворного влияния своему наставнику. Тот был восхищен изысканным коварством столь невинного с виду создания. В долговременных планах Изабо (как ее стали называть) было несколько вариантов отстранения от управления государством регентов, назначенных еще покойным Карлом Мудрым. Подружиться же следовало с братом своего супруга герцогом Туреньским. Выбору в его пользу немало послужила внешность знойного юноши.

Молодой герцог не подкачал. В первую же ночь она чуть не влюбилась в него, временами забывая о целях своей политической борьбы. Порой эти цели и впрямь утрачивали очертания в чадку сексуальной вакханалии, круглосуточного марафона, устроенного Изабо в Венсене, где она вскоре основала «салон любви» – настоящий вертеп разврата. Это добавило ей сторонников из числа завсегдатаев салона, которые все друг с другом тесно перезнакомились в частых шоу с переодеваниями: кто в костюме рыбки, кто в костюме птички. Сама королева неоднократно предоставляла здесь свое тело для подробного изучения.

Как в этом сексуальном угаре королева не забывала выполнять свои супружеские обязанности, остается загадкой, но факты налицо: каждый год она рожала Карлу по ребенку. Любящий супруг был счастлив и щедр на подарки. А «благодарная» жена уже разработала план и против него, целью которого было довести короля до приступа настоящего, очевидного для всех безумия и сместить с престола, объявив сумасшедшим.

Как раз в это время Карл собирался выступить в поход против герцога Бретонского, укравшего мятежного маркиза де Краона: то ли эта мысль сама родилась в его воспаленном мозгу, то ли ему ее внушили, но Изабелле с ее планом нейтрализации короля и выдвижения на престол своего возлюбленного герцога Туреньского это явно подходило. Заинтересованный герцог был посвящен во все детали, ибо его руками Изабелла и планировала совершить задуманное.

Им все удалось. В припадке тонко спровоцированного бешенства король Франции лишил жизни четверых подданных. Однако сместить с трона безумного монарха не получилось – регенты не дали этого сделать. Тут Изабелла поняла свою ошибку: надо было все-таки сначала разобраться с опекунами. А пока что уговорила Карла подарить своему брату еще одно герцогство. Так Людовик Туреньский стал еще и Орлеанским.

Но в ставках на своего любовника Изабо скоро разочаровалась: большинство при дворе было против Людовика. Королева осознала: ей не удалось бы протолкнуть его кандидатуру; поддерживая его, она и сама теряла популярность. В центре наиболее влиятельной придворной группировки их противников был герцог Бургундии Иоанн Бесстрашный, тоже член королевской семьи, приходившийся Карлу VI кузеном. Посмотрев на него внимательнее и разглядев в кандидате на престол массу полезных в своей борьбе качеств (отважен, циничен, тщеславен, охот до женского пола), Изабо без особого труда заменила одного любовника другим.

Вскоре двор накрыло страшной новостью: герцог Орлеанский убит. Королева, перечисляя полезные качества Иоанна Бесстрашного, не подумала о его недостатках – он оказался неосторожным: герцога убрали по приказу Иоанна, об этом узнали все.

Бесстрашный бежал. Совершив преступление, он остался безнаказанным. В Париж он вернется еще как минимум дважды, и каждый раз – с идеей государственного переворота, но в конце концов будет смертельно ранен.

В результате бесконечных интриг, разжигаемых королевой, в стране вспыхнула настоящая гражданская война: бургиньоны (сторонники герцога Бургундского) против арманьяков (приверженцев герцога Орлеанского). Стороны поочередно призывали в поддержку английские войска, чем был спровоцирован новый цикл Столетней войны. Результатом стала Айзенкурская трагедия 1415 года, когда орлеанские войска выступили против английских агрессоров и потерпели сокрушительное поражение. В этой бойне погибло 30 тысяч человек, глава арманьяков Карл взят в плен.

Со временем положение королевы становилось все более шатким. Бернар д'Арманьяк занял Париж и был назначен коннетаблем при дофине Карле. Постоянный пособник королевы Буа-Бурдон был схвачен и казнен, а вскоре арестована и королева.

Ее сослали сначала в Буа, потом в Тур, откуда ее однажды освободил герцог Бургундский. Вскоре погибнет и он, и у Изабеллы не останется влиятельных союзников.

Изабо очень тяжело переживала гибель своих любовников: сначала Людовика, потом Буа-Бурдона и наконец Иоанна... И все ее беды произошли из-за сына – нынешнего дофина 16 лет, Карла VII...

Изабелла объявила его незаконнорожденным – все равно что прокляла. Этого оказалось достаточно для того, чтобы у Карла VII было отобрано наследство. Далее она требует обвинения сына в убийстве. Иоанн Бесстрашный-де пал от его руки. Изабелла сходитя с сыном погибшего герцога Филиппом Бургундским и отдает ему в жены свою дочь Мишель – все ради победы в собственных интригах! Но Мишель плохо поняла мамочку и стала симпатизировать своему брату Карлу VII. Вскоре Мишель нашли мертвой от передозировки популярных при дворе ядов.

Дальнейшие события в жизни Изабеллы Баварской, которой давно уже было пора на заслуженный отдых, оказались не в ее пользу. Ей пришлось уйти с политической арены. 30 сентября 1435 года королева Франции сделала свой последний вдох. Она умерла всеми покинутая, в обстановке для нее более чем скромной.

Одетта де Шамдивер

Одетта (Одинетта) де Шамдивер (? – 1425), известная как «маленькая королева», осталась в истории любовницей-служанкой французского короля Карла VI Безумного, который и вправду был не в себе. На протяжении ряда лет от нее, единственной, кто имел влияние на необузданный нрав короля и кого он только и слушался, во многом зависело, какие решения примет Франция – как во внутренней, так и во внешней политике.

Будучи дочерью королевского конюшего и сестрой придворного метрдотеля, Одетта имела непосредственное отношение ко двору. Их родословная брала начало в Бургундии, а выдвигению своему она обязана брату короля герцогу Орлеанскому, любовницей которого какое-то время являлась. Так герцог усиливал свое влияние при дворе, заодно делая должницей королеву, которая просто-таки боялась своего супруга, все чаще избивавшего ее в припадках психоза. Изабелла измучилась и не знала, что делать. Наконец она решилась поставить вопрос на государственном совете. И тут герцог Бургундский Филипп Смелый перехватил инициативу и предложил нанять в служанки королю Одетту, которую он хорошо знал и мог ею распоряжаться: по слухам, отец Одетты, будучи вассалом герцога, уступил Филиппу свою дочь в ответ на его настоятельные просьбы. В общем, с кандидатурой Одетты согласны были все, даже ярые враги.

Так Одетта поступила на свою новую работу – сиделка-служанка-любовница. В общем, зам законной супруги. Герцог же получал фактически круглосуточный контроль за августейшей особой.

Одетта приступила к обязанностям с 1404 года. А уже с 1407-го полностью заменила королеву. Та родила ребенка и забыла о муже насовсем, все заботы вкупе с соответствующими полномочиями передав нанятой специально для этой цели Одетте. О состоянии рассудка короля Франции говорит уже то, что еще долгое время он не подозревал, что спит не с супругой, а с другой женщиной, просто потому, что Одетта, ложась спать, надевала ночнушку королевы.

Безумие Карла, по свидетельствам современников, проявлялось в дичайших приступах звериного бешенства, когда он мог нанести повреждения не только людям, находящимся рядом, но и самому себе. В этом состоянии власть над ним имела только Одетта: одного намека на то, что она им недовольна и готова немедленно оставить, было достаточно, чтобы чудовище снова превратилось в покорное и добродушное существо. Видимо, Карл больше всего боялся, что и Одетта – последний друг – разлюбит и бросит его. Она ухаживала за ним как могла, постоянно выдумывала для него развлечения. Первая колода игральных карт во Франции была изготовлена по ее заказу: «ребенок» теперь целыми днями играл и никого не трогал.

В том же 1407 году Одетта, как и королева, родила от Карла. Девочку назвали Маргаритой. Позже Карл VII даст ей свою фамилию, а королева дарует обеим, и матери, и дочери, по имению – в Кретеиле и Баньоле. В 1428-м Маргарита Валуа вышла за Жана д'Арпедана. Были ли у Одетты еще дети от короля, достоверных свидетельств нет.

Где бы ни появлялся король, его видели не с Изабеллой, а с Одеттой. Потому, как рассказывает монах Сен-Дени, среди горожан она была удостоена особого титула – *petite reine* («маленькая королева»), на что королева Изабелла вовсе не обижалась, ее все устраивало.

С Карлом, наверное, никогда не было рядом столь преданного существа. Он умер в октябре 1422 года от лихорадки, метался по постели в беспамятстве, стонал, бредил. У смертного одра не было никого, кроме врача и Одетты. Похороны тоже прошли без особого ажиотажа, Изабелла не пришла даже попрощаться с мужем. Как и дети – с отцом.

После смерти короля Одетта де Шамдивер оказалась не нужна, и королева сослала ее с дочерью сначала в Сен-Жан-де-Лонь, а в 1424-м – в Дижон, не выделив никаких средств к существованию. Лишь добрый герцог еще пару раз поддержал ее деньгами.

В эти годы Одетта попала в криминальный сюжет. Это единственный дошедший до нас эпизод, по которому мы можем судить об участии фаворитки Карла VI в политической жизни. Возможно, потому и единственный, что остальные не были запротokolированы, ибо о них никто, кроме самих участников, так и не узнал. В Бургундии был замечен францисканский монах Этьен Шарло, который явно собирал информацию о степени укреплённости городов, их безопасности. Одетта выяснила, что это шпион Карла VII, и передала вместе с ним дофиню донесение о планируемом захвате Лиона наемниками английского герцога Солсбери. Одетта сочувствовала арманьякам, на стороне которых был король, и пыталась предупредить о том, что их собираются вырезать.

На обратном пути шпиона арманьяков схватили люди герцога Бургундского. Монах прикинулся добрым самаритянином и, не доводя дело до пыток, все честно рассказал, не преминув упомянуть и девицу де Шамдивер.

Видимо, дело получило статус чрезвычайной важности, поскольку за него взялся сам канцлер Бургундии. На допросе Одетта не стала отпираться от предъявленных ей обвинений – сообщила лишь о мотивах своего поступка, мол, руководствовалась исключительно христианской моралью, пытаясь предотвратить бойню с человеческими жертвами. Ей устроили очную ставку с монахом Шарло, и тот подтвердил, что всю информацию Одетта сообщила ему на исповеди. Юная Маргарита, тоже вызванная на допрос, судя по ее ответу, в свои 16 лет уже также была научена мамой, как себя вести в такой ситуации. Этот ответ заслуживает аплодисментов: «Моей бедной матери, – сквозь слезы проронила девочка, – волею обстоятельств лишенной всех земных благ, только и остается, что сберечь свою христианскую душу».

Поверили ей или нет, но осудить и наказать Одетту после такого допроса никто бы не решился: фактически шпион-монах Шарло выступил уже ее свидетелем, а не свидетелем обвинения, а наказывать за действия, совершенные во спасение души, – значит, идти на конфликт с церковью.

В следующем, 1425 году, Одетта де Шамдивер умерла. Ее имя носит теперь сорт розы.

Агнесса Сорель

Речь пойдет о фаворитке короля Франции Карла VII. Агнесса Сорель (1409/22 – 1450), прозванная *Dame de Beauté* – Дама Красоты, оставила незабываемый след в истории Франции и всей Европы. Благодаря ей фактически была поставлена точка в Столетней войне. Король Франциск I называл ее спасительницей Франции, освободившей страну от англичан. В годы связи с Карлом VII, увлекшимся ею до потери контроля за государственными делами, вольно или невольно она замещала короля по многим вопросам, выводя на чистую воду его подхалимов и выдвигая на первые должности грамотных людей.

Агнесса Сорель – та женщина, благодаря которой мировая история обогатилась такой героической фигурой, как Жанна д'Арк. Агнесса взяла Жанну под свою опеку и убедила короля исполнить желание этой хрупкой с виду, но такой сильной духом девочки – сделать ее главной командующей французским войском в Столетней войне.

Агнесса родила королю трех дочерей. Им был присвоен титул *filles de France* – «девы Франции».

Оказавшись при дворе, Агнесса стала законодательницей мод и, возможно, первой женщиной, поднявшей движение за моральное раскрепощение представительниц слабого пола. Она первая стала носить обтягивающие наряды и бриллианты, не являясь при этом представительницей высшей знати, изобрела многометровый шлейф и декольте, открывающее одну грудь. Сам папа римский, посмотрев на это, не сдержался: «Какая красивая у нее... лицо!»

Ее свободное поведение, игнорирующее ханжеские стандарты эпохи, вызывало волны возмущения и брызги порицания. Особенно у мужей тех дам, что явно проигрывали Агнессе в красоте. Многие, включая представителей духовенства и самого канцлера Жувенала Дезюрсена, считали такое поведение заслуживающим наказания. Любящий король же призывал смотреть на вещи проще: «Если *Dame de Beauté* сможет носить прекрасные платья, она будет пребывать в прекрасном настроении. Если у нее будет хорошее настроение, у меня тоже будет хорошее настроение. Если у меня будет хорошее настроение, хорошее настроение будет у всей Франции. Следовательно, прекрасные платья необходимы Франции».

О том, в каком году явилась на свет героиня нашего рассказа, точных данных нет. Это может быть как 1409, так и 1422 год. Известно, что Агнесса родилась в семье графского советника и владелицы имения Верней. При дворе она оказалась благодаря своей тете, которая рекомендовала юную красавицу в качестве фрейлины королеве Сицилии Изабелле.

Едва появившись при дворе, Агнесса оглушила общество своей красотой. Все только и говорили о ней. Не сдержался и автор Мартинийской летописи, занеся это событие в анналы истории: «Она, вне сомнения, была прекраснейшей среди молодых женщин своего времени!»

Изабелла вскорости отбыла в поездку по Италии, и девочка осталась на попечение королевы Иоланды, тещи Карла VII. Зная своего легкомысленного и малодушного зятя, она с материнской заботой подыскивала ему пассию. Узнав Агнессу поближе и оценив не только ее внешние данные, но и здравомыслие, и личные качества, она решила представить ее Карлу.

Сказать, что Карл был очарован – ничего не сказать. Ее образ не отпускал его ни днем ни ночью, он постоянно искал встречи с ней. С первой назначенной ей аудиенции, когда король открылся перед Агнессой, она в смущении и страхе убежала.

Отвергнутый король не находил себе места. Лицо его посерело, в глазах появилось отсутствующее выражение.

Тем не менее одним прекрасным утром в высшем обществе был замечен его сияющий вид, улыбка не сходила с его лица. Стало ясно: Агнесса сдала свои позиции.

Шушукаясь между собой по углам, придворные сколько могли оберегали королеву Марию Анжуйскую от этой новости. Но шило в мешке не утаишь – и однажды где-то в коридо-

рах дворца Агнессы предстала взору королевы во всей красе – с обнаженной грудью. Королева знала своего мужа – неутомимого ценителя женской красоты. Смутные подозрения заставили ее попросить своих доверенных лиц понаблюдать за ним несколько дней. Но Карл тоже хорошо знал свою супругу и был так осторожен, что ни разу не попался.

В конце концов мудрая королева решила, что коль уж явных улик нет, можно считать дело закрытым, и подружилась с фавориткой Карла, которой тот на радостях пожаловал этот титул, фактически уравнивавший любовницу с женой.

Так шли дни, годы, и в 1445 году Агнесса забеременела. А к 1448 году успела родить трех девочек. В благодарность король Франции даровал своей возлюбленной дворянский титул и небольшой, но светлый замок в парижском предместье на берегу реки Марны – в Боте-сюр-Марн. Поэтическое изящество сего жеста заключалось в том, что Дама Красоты обретала свою обитель в Красоте-на-Марне.

Тем временем дела королевства, пущенные монархом, увлеченным любовницей, на само-тек, шли все хуже и хуже. Налоги росли, народ роптал, англичане начинали хозяйничать, как у себя дома. Видя все это, Агнесса однажды обратилась к королю с весьма доходчивой речью. «Однажды, еще в детстве, – начала она издали, – мне была предсказана одним астрологом большая любовь. Будто влюбится в меня самый сильный и отважный из королей. Встретив вас, я решила, что предсказание сбылось. Однако, признаюсь, с годами все больше терзают меня смутные сомнения. Вы слишком много занимаетесь собой и совсем забыли о своих подданных. Теперь я думаю, что мне предсказаны не вы, а король Англии, чьи войска с легкостью занимают ваши города, а вам и дела нет. Оставайтесь же таким, какой вы есть. Я уйду к тому, кто мне предназначен».

Эта история как нельзя лучше иллюстрирует степень влияния Агнессы на Карла. В кратчайшие сроки армия была реформирована, перемирие с Англией нарушено, все французские территории у врага отобраны. Казалось, Агнесса была счастлива, своего короля она теперь называла не иначе как Карл Победитель.

Как ни прискорбно, до окончания Столетней войны Агнесса не дожила. Беременная четвертым ребенком, будучи уже на сносях, она внезапно прибыла в штаб французской армии. Она была в ужасном состоянии, путешествие отняло у нее много сил. Карл испугался и бросился к ней: «Ты с ума сошла! Зачем ты это сделала?» Она улыбнулась, увидев его: «Я должна была предупредить тебя. Никто другой бы этого не сделал».

Уложив ее в постель, он услышал то, во что не смог сразу поверить. Против него организован заговор. Его предали те, о ком бы он и подумать не мог! Все было готово к выдаче его англичанам.

Самим сообщением Агнессе удалось предотвратить действия заговорщиков. Те обнаружили, что раскрыты, и ничего не предприняли.

Успев передать информацию, касающуюся жизни и смерти своего любовника, Агнесса успокоилась и уснула. И тут наконец начались схватки. Результатом тяжелейших родов стала еще одна, четвертая девочка, которая прожила всего полгода и умерла. Агнесса же очень серьезно и, как оказалось, неизлечимо заболела.

Врачи сначала ставили диагноз «дизентерия», их подопечная теряла много жидкости, потом возникло подозрение, что она отравлена ртутью. Но ртуть тогда повсюду добавляли в косметику, так что фактически все ею травилась. Отчего умерла Агнесса, так и не было выяснено.

Перед смертью она без конца молилась, раскаиваясь прежде всего в грехе прелюбодеяния, написала завещание, в котором составила целый список тех, кого она хотела бы облагодетельствовать, наконец призвала священника и 9 февраля 1450 года умерла.

На похоронах Агнессы Сорель была удостоена всех королевских почестей. В капелле Нотр-Дам в Жюмьеже, где погребено ее сердце, стоит надгробие со статуей Агнессы из белого

мрамора. Статуя изображает женщину с руками, сложенными в молитве, в этих руках она держит сердце. Тело захоронили отдельно.

После смерти своей возлюбленной Карл не мог больше найти счастья. Вначале он искал Агнессу в ее сестре Антуанетте. Но, конечно, внешнее сходство не могло заменить любимую. Затем он и вовсе ударился в распутство, как это выглядело со стороны, и завел целый гарем из красавиц. Но и все вместе они не могли вызвать в его душе то громадное чувство, то ощущение всемогущества и самодостаточности, которое он испытывал с Агнессой.

«Я взошел на престол милостью Бога, но осознал себя королем милостью прекрасной Агнессы», – говорил Карл VII.

Антуанетта де Менъеле

Дочь Жана де Менъеле и Мари де Жуи Антуанетта, баронесса де Вилькье, стала тем бальзамом, который король Франции Карл VII прикладывал к незаживающей душевной ране после смерти своей фаворитки Агнессы Сорель, однажды спасшей его от позора, а возможно, и от смерти.

Антуанетта де Менъеле (ок. 1420 – ок. 1474) была двоюродной сестрой безвременно ушедшей Агнессы, внешне очень похожей на нее. После смерти своей сестры Антуанетта стала фактически приемной матерью дочерей, рожденных Агнессой от Карла.

Король заметил Антуанетту, еще когда она была 14-летней девочкой, и пожаловал ей поместье Менъеле, которое впоследствии не согласный со щедростью монарха за его счет герцог де Бурбон у барышни отобрал.

Через два года умирает Агнесса, и король для отвода глаз выдает ее 16-летнюю преемницу на посту фаворитки за барона де Вилькье, своего камер-юнкера. Жаловаться Андре, чья судьба была таким образом решена, по мнению короля, не приходилось: приличная пожизненная пенсия и целый остров Олерон с чуть позже построенным замком в качестве приданого прилагались. Этот брак продлился недолго, в 1454-м Андре де Вилькье скончался.

С этого времени и практически до конца своих дней король безумно развлекался с барышнями, в этом вопросе ни в чем себе не отказывая. Одна только Антуанетта по пять раз в день оказывалась в его постели. Жаловаться ей было глупо, подарки на нее сыпались как из рога изобилия – казна пуста, бюджет просил пощады.

Этого любвеобильному самодержцу оказалось мало, и вот уже Антуанетта по его просьбе вербует для интимной аудиенции у короля хорошеньких девушек. Как правило, их родственники и попечители нисколько не возражали. Так, например, в летописи сохранилось имя дочери берейтора из Арраса Антуана Ребрев по имени Бланш. Узнав о предложении фаворитки короля, Антуан Ребрев немедленно дал согласие и отправил свою дочь во дворец. А чтобы по дороге 18-летняя девушка не сбежала, наказал своему сыну сопровождать ее. «И в тот же вечер, – зафиксировано в летописи, – очень довольный король отправился на ночлег с юной Бланш и дамой де Вилькье». Интересно, какую огласку должен был получить этот случай, чтобы попасть в летопись...

Король попросил Антуанетту не останавливаться на достигнутом, а работать в этом направлении и впредь, и старательная фаворитка стала действовать через торговцев, разъезжающих по всей стране. Те должны были распространять информацию о поиске прелестниц по городам и весям. Вскоре со всей Франции к королевскому дворцу стали стекаться барышни.

Современники отмечали, что такой роскоши, в какой купались самые приятные «французскому султану» женщины, не видала сама королева. Историк XV века Клод де Сейсель отметил, что король в своем распутстве стал примером для своих вассалов, которые ударились в ничем не прикрытый разврат и безудержные оргии. Безумие охватило всю страну. Люди всех сословий не только не скрывали своих любовных утех, но и старались всячески демонстрировать их на людях.

Дело дошло до того, что пришлось вмешаться самому папе римскому. Он приказал разослать повсюду свое письмо, адресованное «нерадивым пастырям своего овечьего стада», в котором требовал изгнать из своих стад «лошадок дьявола».

Но вакханалией уже была охвачена вся страна. Во всем обществе, от низов до верхов, в каждой семье отцы и старшие родственники по мужской линии, перенимая стандарты морали нового времени, становились сутенерами своих дочерей, сестер, матерей, племянниц. «Почему не доставить удовольствие тому, благодаря которому существует Франция!» – стало девизом

времени. Именно в ту пору появилось расхожее выражение, вошедшее в сборники французских пословиц и поговорок: «Ей самое место в постели короля».

А Карла все это не волновало, он разъезжал по стране с гаремом, которому позавидовали бы многие шейхи. В «Мартиньенских летописях» записано, что поскольку король очень занят, сражаясь и болея за страну, он просит не ждать его приглашений, а просто отправлять к нему всех подросших симпатичных барышень. Королеве было горько и стыдно, но она ничего поделать не могла.

Наконец здоровье монарха истощилось. Вернее, он сам себя истощил: у него развился параноидальный невроз, диктовавший ему воздержание от пищи, ибо все вокруг ему очевидно завидуют, только и думая о том, как бы его отравить. Особенно сын Людовик, который давно уже спит и видит папу в могиле, а себя на троне.

Несколько месяцев строгого поста оказались смертельными на фоне безумного разрушения организма и разбазаривания своей энергии – 22 июля 1461 года Его Величество испустил дух.

После смерти Карла Антуанетта решила ответить на давнишние ухаживания герцога Бретани Франциска II. В результате их довольно долгой и плодотворной совместной жизни на свет появились два мальчика и одна девочка: Франсуа, Антуан и Антуанетта. Кстати, дети фаворитки от Карла не были признаны королем, лишь первой дочери, Жанне де Менъеле, он выписал из казны 8250 франков в качестве приданого к свадьбе с господином Рошфором.

Франциск, к которому перешла фаворитка самого короля, был от счастья на грани помешательства. Он был уверен, что сам Господь спустил ему с неба Прекрасную Даму. В действительности в роли Всевышнего выступил новый король Франции Людовик XI – тот самый, который «хотел отравить отца». Приняв Францию после своего папеньки, он просто пытался свести концы с концами и наладить хоть что-то в условиях полной разрухи, так что на этапе отбора и отправки своих шпионов в провинции для сбора информации остановился на Антуанетте как удачной кандидатуре для агентурной работы в Бретани. На нее была возложена миссия очаровать Франциска.

В первую же ночь Антуанетта привела герцога Бретани в такой восторг, что уже на следующее утро стала обладательницей еще одного имения – Шоле, с замком, в котором, как правило, проводились всевозможные гуляния, состязания и прочие шалости. В общем, гостиница с услугами полной релаксации.

Поначалу Антуанетта исправно снабжала Людовика XI разведданными – секретной информацией обо всем том, что происходило в Бретани. Потом ей стало это надоедать, и в конце концов ручей писем к обладателю французской короны иссяк. Почему? Да она просто влюбилась в этого смешного Франциска. Вот так. Влюбилась настолько, что продала свои многочисленные бриллианты, когда казна герцогства оказалась пуста. Людовик разводил руками: это невозможно! Это же против всех правил агентурной деятельности! А как же инструкции?

Во всей этой истории жаль одного человека. Жена герцога Маргарита Бретонская не вынесла происходящего и тихо ушла. Из жизни.

Публика, наблюдавшая за интригой при герцогском дворе, тут же поставила на то, что Антуанетта женит на себе Франциска. Эта ставка не сыграла. Антуанетта позволила герцогу сочетаться браком с Маргаритой де Фуа, а та в знак признательности подружилась с фавориткой мужа.

Так они и жили. Антуанетта отшивала одного жениха за другим, не желая ничего менять. Особенно, как даже отмечено в той же летописи, был удивлен отказом Людовик Орлеанский.

Наконец линия жизни Антуанетты оборвалась. Это случилось, скорее всего, в 1474-м. А может быть, и правда в 1470-м, как значится на надгробной плите в часовне францисканского монастыря, где она погребена, как и просила при жизни. Теперь эта плита – экспонат музея в Шоле.

Джейн Шор

Джейн Шор (1445–1527), урожденная Элизабет Шор, была одной из блистательных английских особ периода правления короля Эдуарда IV (1461–1483). О том, насколько разносторонней была эта женщина, говорят хотя бы эпитеты короля в ее адрес: самая веселая, самая хитрая, самая святая... Маленькая, с круглым личиком и белой кожей, Джейн обладала развитым интеллектом, красноречием, способностью искрометно вести дискуссию.

Элизабет Шор (позже она по неизвестным причинам переименует себя в Джейн) родилась в семье богатого купца из Лондона Томаса Вайнстида. Девочка получила хорошее воспитание и еще в детстве была засватана ювелиром Уильямом Шором. За него же в конце концов отец и выдал ее замуж. Уильям был молод и богат, но не вызывал в душе Элизабет никаких чувств. К тому же у доброго молодца якобы была одна пикантная проблема, из-за которой в то время даже допускалось без проблем расторгнуть брак: Уильям страдал мужским бессилием. Так это или нет, но в 1476 году супруги официально развелись. Хотя с Эдуардом Джейн стала встречаться еще с конца 1475-го – возможно, причина была в этом, а импотенция мужа – лишь повод, и неизвестно, насколько правдивый (косвенным доказательством могло стать разве что отсутствие детей за годы супружеской жизни).

За годы близких отношений с Эдуардом Джейн приобрела немалый политический вес. Накануне принятия ответственного решения мнение Джейн было весьма важно для короля, однако, по свидетельству Томаса Мора, автора «Истории Ричарда III», «она никогда не злоупотребляла этим и не использовала во вред того или иного человека – только для комфорта людей и облегчения их жизни». Обратной стороной этой медали неизбежно должно было стать вовлечение в многочисленные и порой весьма опасные придворные интриги, которыми изобиловала политическая жизнь Англии эпохи ожесточенной борьбы за власть между местными феодалами.

Связь с королем оказалась очень крепкой, ее смогла оборвать лишь смерть Эдуарда в 1483 году. Политическое равновесие в королевстве, хоть и весьма относительное, пошатнулось. Ближайшим наследником становился младший брат Эдуарда герцог Глостерский Ричард, но это не всем нравилось, а сам Ричард был в отъезде. Что обнадеживало, например, влиятельное семейство Вудвилей, ведь вдова Эдуарда, Елизавета Вудвиль, продолжала жить. Так что был организован заговор против Ричарда с целью назначить Елизавету регентом. И хотя это решение не было поддержано при дворе большинством, каша уже была заварена, и ее пришлось расхлебывать.

В горниле этих событий по велению судьбы и сердца оказалась и Джейн Шор. Один из ее любовников, Уильям Гастингс, выступил в поддержку Ричарда, второй же, Томас Грей, оказался на стороне Вудвилей. В конечном итоге после прихода к власти Ричарда III и тот, и другой от этого потерпели, причем от одного и того же указа короля.

Уже через месяц после провозглашения Ричарда Глостерского лордом-протектором, 9 июля 1483 года дети Эдуарда IV были объявлены незаконнорожденными. А на четвертый день после этого по приказу нового короля Уильям Гастингс вместе с еще одним лордом и двумя епископами был арестован и казнен в Тауэре по обвинению в измене. На этот раз для Джейн все обошлось, под преследования она не попала, хотя, по некоторым данным, исполняла посреднические функции между противоборствующими лагерями. Но она любила еще одного «незаконнорожденного».

Для Томаса Грея, маркиза Дорсет, Елизавета Вудвиль была не какой-то седьмой водой на киселе, а матерью. Помимо родственной связи, Томас всем был обязан семье и королю. Свой титул маркиза Дорсет он получил от Эдуарда IV, который специально возродил его, чтобы удостоить им своего пасынка.

С приходом к власти Ричарда III Томас Грей был лишен всех титулов и бежал на север, найдя убежище в монастыре. Позже Генрих VII вернет ему титулы, но до этого было еще далеко. В это время против Ричарда восстал Генри Стаффорд, герцог Бекингем. Узнав об этом, Томас помог собрать армию и подготовиться к выступлению. Но они потерпели поражение, герцог был казнен, а Томасу снова удалось бежать, на этот раз во Францию.

Джейн Шор также была обвинена в измене. Сын королевы был слишком видной фигурой, не заметить с ним рядом его любовницу было невозможно. Так она и попала в категорию заговорщиков. Ричард, конечно, понимал, что на измену ее прегрешения не тянут: делить ложе с заговорщиком еще не значит изменять королю, казнить девицу легкого поведения по обвинению в измене смешно. Но в списки она попала – что-то с ней делать надо.

Для нее была придумана показательная расправа. Ее бросили в тюрьму и обвинили в распутстве и беспорядочных сексуальных связях. Наказанием ей должно было послужить привсеплюдное покаяние у собора Святого Петра. Ее провели через весь Лондон со свечой в руках под улюлюкание злорадствующей толпы, из которой неслись ругательства, смешки, скабрёзности. Еще бы! Та, что еще совсем недавно была у трона, нынче опущена ниже самого подлого хама.

Ричард еще помнил, каким влиянием при дворе пользовалась Джейн при Эдуарде, так что совсем не обратить на нее внимания в этой истории не мог. Конечно, она не представляла для него никакой угрозы, назвать ее врагом было бы слишком, но коль уж она обвинена именем короля, то общественное порицание с религиозным уклоном, размышлял Ричард, было бы для нее в самый раз. Тем более – сама виновата, проститутка! Ее связь с Эдуардом началась еще при официальном муже, это все знают.

В белой рубаше, с восковой свечой в руках, она ступала босыми ногами по холодной лондонской мостовой. Вот и собор Святого Петра, скоро это закончится... Ей зачитали епитимью и снова отправили в тюрьму.

Но надо было знать Шор! Она выбралась из тюрьмы самостоятельно. Ее взял в жены адвокат самого короля, Томас Лайном. То ли она его влюбила в себя, то ли он сам... Только когда Ричард услышал о происшедшем, он смог по-другому посмотреть на эту женщину. Он амнистировал ее и отдал под опеку отцу. От Лайнома же потребовал развестись немедленно. Однако Томас не только проигнорировал королевский наказ, но и смог остаться придворным адвокатом.

Вскорости у Джейн и Томаса родилась девочка.

Последние годы жизни Джейн Шор провела в нищете. В 1527 году ее не стало.

Томас Мор, исследовавший эпоху короля Ричарда III, встретился с Джейн, когда та была уже ветхой старушкой, но и он, будучи моложе женщины на 33 года, не смог не заметить в ее глазах отсвет былого очарования.

Маргарита де Сассенаж

Маргарита де Сассенаж (ок. 1449–1471) известна как жена Эмара де Пуатье и фаворитка короля Франции Людовика XI. Внучка же ее, Диана де Пуатье, станет фавориткой Генриха II Французского, так что Маргариту де Сассенаж можно назвать еще и основательницей известной династии. А если учесть, что на фаворитках в те времена зачастую держалась страна, то это уже немало.

Кому как не Людовику это было известно. Он хорошо запомнил Агнессу Сорель, от которой его отец Карл VII очень сильно зависел. Далеко не все из тогда задуманного ему удалось – Агнесса не допустила. В 1445 году, когда Агнесса была беременна первым ребенком от отца, ему пришлось громко хлопнуть дверью, сказав, что вернется только после его смерти. Так что еще с тех пор золотым правилом будущего короля стало женщину к штурвалу не допускать. Он боялся усиления влияния женщин при дворе, потому и бросил в конце концов Маргариту, родившую ему двух девочек: страх оказался сильнее привязанности. А казалось, они любили друг друга...

Обеих дочерей он потом удачно выдаст замуж: Жанну – за адмирала Людовика Бурбонского, Мари – за Эмара де Пуатье, сеньора де Сен-Валье. Жанну он даже объявит своей сестрой, чтобы вывести в свет как благородную даму.

Но обо всем по порядку.

22 июля 1461 года Карл VII умирает, и Людовик возвращается в Париж. Король умер – да здравствует король! Зная веселый нрав вчерашнего дофина, на коронации «подаются блюда», специально для него приготовленные. Фонтан Понсо струится не водой – вином. Вокруг фонтана порхают три совершенно обнаженные «сирены», без тени стеснения привлекая своими прелестями.

В тот же вечер, не изменяя своим традициям, Людовик оставляет скучный королевский двор и вместе с известным пройдохой Гийомом Бишем, вызванным в качестве проводника, незаметно смешивается с толпой веселящихся в честь нового монарха горожан и углубляется в самые смрадные подворотни, где наконец отводит душу, разделяя с гуляками тосты: «За короля!» Приводят обратно его под утро.

Молодой королеве Шарлотте Савойской пришлось привыкать к такой жизни. Несмотря на высокий титул, ей при дворе отводилось весьма скромное место – сидеть дома, в замке Амбуаз, заниматься рукоделием, молиться, гулять по двору и ни в чем себе не отказывать.

Вкусы у нового короля были самые невзыскательные. Его доверенные рыскали по подворотням Парижа в поисках «ночных бабочек», достаточно опытных в своем ремесле для того, чтобы изысканные ласки монарха не шокировали их. Суровая, как солдатский сапог, душа Его Величества не знала слова «ласка». Трезвый практик, он подходил к женщине исключительно в прикладном аспекте. При этом физиологическая потребность его в слабом поле явно превышала норму: сколько бы ни прошло через его спальню за ночь, всегда нужна была еще одна барышня про запас.

В длительных переездах Людовику приходилось использовать каждую возможность и зачастую проявлять смекалку. Тяготы военных походов заключались для него главным образом в этом. Был показательный случай. Во время сражения с герцогом Бургундским у деревни Жигон к нему каким-то образом пробилась и вцепилась в ноги исходящая в рыданиях женщина, обвиняя его в убийстве мужа. Король склонился над ней, взял за подбородок, поднял ее лицо и сказал, что сегодня вечером ждет ее у себя, а виновных обязательно накажет по всей строгости.

В Париж, после перемирия с герцогом, он вернулся уже с Жигон, как стали звать новую любовницу короля при дворе. С этого дня он не забывал делать ей подарки, чтобы она поскорее

забыла об утрате мужа. И она осталась с ним, и даже родила ему дочь, которую по достижении 18 лет выдали за принца Бурбонского.

Свои пороки Людовик пытался компенсировать молитвами, порою весьма усердными и продолжительными, но... видимо, ничего не мог поделать со своей природой. Немалая набожность короля Франции, вплоть до паломничества к святыням, совмещалась в нем с противной всякой морали гиперсексуальностью, откровенным развратом и не мешала ему проявлять свое мужское «я» в компаниях с женщинами известного поведения.

Таким был монарх, которого решилась соблазнить Маргарита де Сассенаж. Зная нрав Людовика, она сделала просто: стала на дороге, по которой ежедневно проезжала карета короля, и, якобы потеряв подвязку, подняла подол платья, чтобы заменить пропажу лентой. Ножка оголилась, и Людовик, увидевший в окно кареты изящные линии бедра Маргариты, напрягся. Не прошло и двух часов, как девушку нашли и доставили во дворец.

Два года они прожили счастливо. Людовик даже изменился, таким влюбленным его никто не видел ни до Маргариты, ни после.

Рассказывают, однажды Маргарита сильно заболела. Лекари один за другим недоуменно пожимали плечами, хворь была на тот час неизвестна науке. А королевский астролог был, видимо, по натуре патологически честен, но политически неграмотен – предсказал Маргарите скорую кончину. Людовик не понял шутки и приказал его казнить. Когда того повели на плаху, король ехидно заметил: «Ты, притязающий на знание человеческих судеб, предскажи же нам, сколько осталось до смерти тебе самому!»

«Мне суждено уйти из жизни за три дня до вашей смерти, ваше величество», – нашелся астролог. Забавно, но Людовик поверил, решил не испытывать судьбу и распорядился не только освободить предсказателя, но и обеспечивать его всем необходимым до конца жизни.

Симонетта Веспуччи

Есть женщины, которые стали обликом эпохи, ее звучанием или песнью. И у эпохи Ренессанса есть такое особое звучание – Симонетта Веспуччи (1453–1476), оратория Возрождения!

Великолепная женщина, Белладонна, ставшая для выдающихся представителей своего времени дамой сердца. За право нанести ее образ на свой штандарт сражались на рыцарских турнирах, ее возносили до небес и боготворили творцы Возрождения, ее образ понесли в будущее полотна и фрески, стихи и скульптуры.

Несравненная Симонетта родилась в Генуе 28 января 1453 года в богатой купеческой семье Каттанео. Позднее, в результате естественной мифологизации образа Симонетты, место ее рождения было «перенесено» в Портовенере, где, как считалось, родилась сама богиня красоты.

Однако с Портовенере Симонетту действительно связывает немало. Туда в результате некоторых придворных интриг пришлось перебраться из Генуи семье Каттанео. Их приютил герцог Пьомбинский, где они и познакомились с Марко. Оказалось, что семья Пьеро Веспуччи также гостила в это же время у герцога.

Их отцов связали деловые отношения. В конце концов Пьеро отправил своего сына в Геную стажироваться в банке, директором которого был Гаспаре Каттанео, отец Симонетты. Создать родственную связь было выгодно обоим, особенно Каттанео, чьи дела сильно пошатнулись после падения Константинополя. Все произошло гармонично, дети и сами рады были объединить свои судьбы.

Наконец свадьба состоялась. 16-летняя Симонетта Каттанео сочеталась браком с Марко Веспуччи. На церемонии венчания в храме Сан-Торпете весной 1469 года присутствовал сам дож Генуи со всей своей свитой.

Молодые переехали во Флоренцию и тут же попали с корабля на бал. Как раз в это время Лоренцо Великолепный был провозглашен правителем Флоренции. Этот титул перешел ему по наследству после смерти отца. Во дворце и на вилле Кареджи состоялось грандиозное торжество, на которое новобрачных привел родственник Марко Америго Веспуччи, в будущем знаменитый мореплаватель. Их появление вызвало в обществе и восторг, и недоумение, суть которого можно выразить словами: «Да что эта девушка божественной красоты, к тому же столь богатая невеста, нашла в маленьком толстеньком Марко?» Все с завистью поздравляли Марко, пытаясь понять, в чем его секрет.

Когда Америго подвел Симонетту и Марко к виновнику торжества, Лоренцо Медичи, тот взглянул на девушку и обмер от восторга. Ее волосы цвета солнца, янтарные глаза, безупречные черты лица... «Мадонна!» – сами произнесли губы. Такой женщине хотелось молиться. Сама же Симонетта за спиной Лоренцо заметила Джулиано, его 16-летнего брата. И почувствовала, что не может отвести взгляд.

Приход герцога Лоренцо Медичи к власти в республике стал началом небывалого расцвета Флоренции. Бесконечный праздник – так можно назвать будни одного из самых ярких городов, которыми представлена эпоха Ренессанса. Карнавалы и джостры (состязания, в основном военного толка) входят в повседневность и становятся формой жизни. В них и в качестве действующих лиц, и в качестве спонсоров выступают богатейшие люди города, знатные особы – деньги налево, деньги направо, повсюду блеск и роскошь – все оправдано всеобщим весельем. Костюмированные представления, комедии, танцы, песни, в том числе сочинения самого герцога и его лучших друзей, – вихрь красок и восторга! В этих песнях пелось о возрождении лучших традиций античности, красота и счастье человека – высшее благо, и настало время просто взять от жизни все, что хочешь, жить сегодняшним днем и ни о чем дурном не думать.

В январе 1475 года Лоренцо объявил начало рыцарского поединка (джостры). Джостра, как правило, начиналась боями диких животных, и в каждой следующей джостре должна была присутствовать какая-то изюминка. На этот раз сюрпризом стал выпущенный на арену жираф – подарок правителя Вавилона.

И вот народ дождался начала турнира. Рыцари выехали на площадь Санта-Кроче. Джулиано ярко выделялся из всех: кольчуга из серебра и куртка, расшитая жемчугом и сверкающая самоцветами, на штандарте – Афина Паллада, очень похожая на Симонетту... Над этим портретом трудился сам Боттичелли, да Джулиано никому другому и не доверил бы – только лучшему живописцу во всей Флоренции.

Написать портрет этой «звезды Генуи», как ее уже успели прозвать во Флоренции, мечтал бы каждый художник. Богинь писали именно с нее. Один только Сандро Боттичелли сделал из Симонетты Мадонну, Венеру и Весну. А Леонардо да Винчи нарисовал ее в доспехах – он тоже присутствовал на той джостре.

Исключительной особенностью красоты Симонетты Веспуччи являлось то, что она нравилась всем – и мужчинам, и женщинам, от мала до велика. Эта красота не вызывала ревности или зависти – но только восхищение и все лучшее в душах людей. Мужчины любили ее платонически, трепетно и заботливо. Анджело Полициано, поэт Ренессанса, известный своими переводами Гомера, отметил, что с ней было необыкновенно приятно общаться, она обладала какой-то магией голоса, взгляда, речи, благодаря которой каждого, с кем она заговаривала, охватывало комплексное чувство восторга, гордости и благодарности. Ее не ревновал даже муж, на глазах которого происходило это тотальное поклонение его супруге. Вот в каких строках воспел Симонетту Веспуччи Анджело Полициано:

*Она бела и в белое одета:
Убор на ней цветами и травой
Расписан; кудри золотого цвета
Чело венчают робкою волной...*

За свою жизнь Анджело вручил ей и ее памяти громадный букет из стихов, а его «Стансы на турнир» – поэма, посвященная Джулиано и Симонетте, – прославили ее на весь мир.

Но праздник не может длиться вечно. Прискорбно, но такова жизнь. Симонетта заболела чахоткой.

Сандро Боттичелли как раз писал портрет Несравненной, заказанный ему Джулиано. Симонетта, позировавшая ему, все чаще стала уставать, работа шла медленно, а однажды она даже не на шутку закашлялась. Подбежавший Джулиано подал ей платок. Когда она его вернула, на платке была кровь.

Узнав от лекарей диагноз, родители увезли красавицу на морское побережье, в Пьомбино. Через три месяца она вернулась во Флоренцию, но дни ее были сочтены. 26 апреля 1476 года в возрасте 23 лет Симонетты Веспуччи не стало. Не стало «звезды Генуи», Мадонны, Венеры, Весны... Вот какое чувство накрыло всех, знавших эту девушку или хотя бы слышавших о ней.

Узнав о ее смерти, Лоренцо, бывший в отъезде, бросил все и стремглав помчался во Флоренцию. Но к похоронам не успел, она уже лежала на кладбище Всех Святых в семейном склепе.

Судя по количеству сонетов, написанных им на смерть Симонетты, Лоренцо был влюблен в нее не меньше брата. Джулиано же надолго ушел в себя – именно закрылся от всех и рыдал сутками. Когда он вышел к людям, это был уже другой человек. Веселого, улыбчивого красавца уже больше никто никогда не увидит. Джулиано стал мечтать об одном – поскорее соединиться

с Симонеттой. Этой идеей он жил и бредил, постоянно вспоминал в разговорах с людьми о предсказании гадалки: та обещала, что расставание с возлюбленной окажется недолгим.

Через два года после кончины Симонетты, 26 апреля 1478-го, в республике вспыхнул заговор. Могущественный клан Пацци вознамерился свергнуть семью Медичи, находившуюся у власти. Идею подал папа римский, аристократические круги подхватили: в условиях кризиса, наступившего после падения Константинополя, на повестку дня вновь выходила задача раздела сфер влияния, и обретение власти стало основным принципом в этой борьбе.

В светлый праздник Пасхи в кафедральный собор прямо во время богослужения, когда их меньше всего ждали, ворвались люди с кинжалами наголо. Для любого человека это кошмарное событие, даже не очень верующего, – только не для организатора кровавого дебоша папы римского Сикста IV. Увидев их, Джулиано улыбнулся и, раскинув руки, пошел на встречу к Симонетте... Пронзенный множеством кинжалов, он даже не вскрикнул от боли.

Лоренцо и Полициано удалось отбиться. Быть может, благодаря Джулиано и Симонетте, призванным Господом в один день.

Лаура Дианти

Этот рассказ – о женщине, ставшей отрадой души для герцога Феррарского Альфонсо I д'Эсте после утраты им своей супруги Лукреции Борджиа.

О рождении и детстве Лауры Дианти (ок. 1480–1573) известно лишь то, что она появилась на свет в семье торговца шапками по имени Бокаччи. В следующий раз ее имя в документах встречается уже через 44 года. Это запись в расходной книге герцогского двора. Там она значится как «дама, получившая подарки».

Альфонсо и Лаура если и были обвенчаны, то разве что тайно. Документальных данных об этом нет. С одной стороны, подписывалась она фамилией герцога, с другой – известно, что Альфонсо до самой смерти не упоминал ее как свою жену в документах.

Об этом говорит, в частности, нотариально заверенная дарственная, по которой девице Дианти отходило поместье Делиция дель Вергинезе. Овдовев буквально через несколько дней, она перебралась в него, и вскоре усадьба превратилась в салон, гостями которого были ее выдающиеся современники. Она так и умерла в этом доме, а ее привидение и по сей день там появляется, если люди не врут.

Этот день рождения Лаура Дианти отметила дома, то есть в публичном доме, хозяйка которого получила от своих подопечных характерное прозвище Жаба. В свои 16 лет юная девушка выглядела по-итальянски знойно: карие очи, черные брови да густящие смоляные волосы, – с точки зрения тогдашних представлений о прекрасном, ну совершенно некрасивая. Жаба же требовала от всех следовать моде. Это значило носить светлые волосы и выглядеть мертвенно бледной. «Уродина» – Лауре вбили эту характеристику в голову с детства – этого терпеть не могла. Она была худенькая и казалась совсем девочкой, с лица еще прыщи не сошли. Лаура не умела красиво ходить, расправив плечи, горбилась, была неразговорчива – она себя стеснялась. Мужчины ее не интересовали, принадлежать им приходилось, потому что так устроена жизнь.

В это время она впервые мельком увидела на улице будущего отца своих детей. Обратить на него внимание заставила траурная процессия – хоронили его жену Лукрецию Борджиа. Альфонсо шел за каретой, невысокий, но коренастый, и напоминал скорее молотобойца, чем герцога. Позже она узнает, что главным занятием Альфонсо была война – так распорядились жизнь и папа римский, воевавший с герцогством Феррара, пытаясь отхватить от него побольше земли и ресурсов. В том, что этого до сих пор не произошло, главная заслуга его, герцога, вкладывавшего и средства, и силы, и здоровье в модернизацию войск, а главным образом – в любимую им артиллерию. Артиллерия была его страстью. Он сам изобретал новые пушки, бомбарды, мортиры, сам рассчитывал параметры нового орудия и отливал в собственных доменных печах, зачастую лично.

В этот же день Лаура приглянулась одинокому канонику Джованни Салерно, которому как раз не хватало хозяйки в доме. Он выкупил девочку у Жабы, ему это стоило недорого: за угловатое, конопатое и вечно угрюмое создание много не возьмешь.

Каноник был уже немолод, но добр, ласков и заботлив. Со временем Лаура потеплела к нему, а там и прикипела. Да и в постели он выгодно отличался от всех известных ей мужчин: по крайней мере, она узнала, что от мужчины может и не нести вином и немытым телом.

Он любил ее и постоянно обращал ее внимание, как она красива, даже подарил ей дорожное зеркало венецианского стекла, – в конечном итоге благодаря ему она почувствовала себя женщиной, даже симпатичной, даже, может быть... хорошенькой. Ей уже исполнилось 17, она округлялась и менялась на глазах. Со временем ею стали восхищаться и делать предложения. Правда, все эти предложения в мыслях ухажеров, чувствовала Лаура, начинались и заканчивались постелью.

Так они прожили пять лет. Перед смертью Джованни отписал ей немного имущества, поделив поровну с детьми, и выделил две комнаты, чтобы она вновь не оказалась на улице.

Лауре было уже 22, она уже знала себе цену и могла распорядиться собой. Она стала роскошно красивой женщиной с осанкой королевы. Прием у нее стоил дорого, но от мужчин отбою не было: она умела дарить не только тело, но радость и душевную теплоту.

Вскорости она уже жила в палатце на Виа делле Вольте и имела гардероб по последнему писку моды. Так постепенно подошло время их встречи с герцогом Феррарским. Это был шумный пир по поводу чьей-то помолвки. Лаура не любила их, но была приглашена неким офицером, который как-то быстро опьянел и уснул в картинной галерее. Неожиданно они с Альфонсо встретились глазами – она вспомнила седовласого широкоплечего «молотобойца», угрюмо шедшего за катафалком, а он жестом подозвал ее к себе.

Прошло два месяца совместной жизни. Герцог изменился до неузнаваемости. Он будто сбросил с плеч лет двадцать. К нему вернулись бодрость, уверенность, легкость, улыбка все чаще посещала его уста. Секрет один – дома его ждала Лаура. Никогда раньше женщина не входила к нему в спальню, тем более не жила в ней, он сам навещал жену по ночам. Теперь же он не понимал, как он мог жить по-другому.

Только Лауру по-настоящему интересовали его пушки, селитра,-mortиры, снаряды. Только ей он мог подолгу и увлеченно рассказывать о баллистике и сплавах металлов, видя в ее глазах живой отклик. Только ей было важно, как он себя чувствует, не устал ли, что произошло за день. Только с ней ему нравилось подолгу лежать рядом, уткнувшись носом в ее грудь.

Они прожили вместе десять лет. Лаура Дианти родила герцогу двоих мальчиков: Альфонсо и Альфонсино, которых он в своем завещании признал законными детьми. И хотя перед смертью герцога они с Лаурой даже тайно обвенчаются, официальным наследником станет его старший сын – от Лукреции Борджиа.

Герцог умер в 1534-м. Ему было 58. Любимая Лаура находилась с ним рядом все последние дни и минуты.

Вот и все. Во дворце ей больше делать нечего. Лаура собрала вещи и вместе с детьми переехала в подаренное герцогом поместье Делиция дель Вергинезе с чудным, словно игрушечным домом. Сюда все последние годы они с детишками переезжали на лето, здесь прошло столько незабываемых дней, столько дней...

В Делиция дель Вергинезе Лаура смогла воплотить в жизнь свою давнюю мечту – окружить себя творческой элитой и в этой атмосфере вырастить детей. Да и самой научиться многому, чему всегда хотелось: понимать стихи, живопись, музицировать, разбираться в философских и религиозных течениях. Ведь герцог был известным меценатом, крупнейшим покровителем представителей искусства. По его заказу появились такие шедевры живописи, как «Пиршество богов» Джованни Беллини, «Праздник Венеры», «Вакханалия», «Вакх и Ариадна» и несколько собственных портретов работы Тициана, «Сцены из Энеиды» Доссо Досси. Микеланджело писал для него «Леду», к сожалению, не дошедшую до нас. Альфонсо зазывал ко двору известнейших музыкантов и поэтов, покровительствовал поэту Лудовико Ариосто.

Лауре было суждено прожить вторую половину жизни в атмосфере, созданной своими руками. Ее дом превратился в представительство Парнаса на земле. Видимо, это позволило ей прожить дольше семидесяти лет, понянчить внуков и в 1573 году спокойно умереть. Один из внуков, Чезаре, все-таки станет герцогом Феррарским, обойдя наследников из рода Борджиа. Хотя впоследствии, в 1598 году, очередной папа Климент VIII придрался-таки к непрозрачной ситуации с браком Лауры и Альфонсо и отобрал у Чезаре герцогство Феррара, за которым столько поколений вел охоту папский престол. Что ж, Богу – Богово, а кесарю – кесарево...

Франсуаза де Фуа

Графиня Шатобриан, или «Бретонская роза», как называли Франсуазу де Фуа восхищенные ее красотой современники, около 10 лет была любимой фавориткой короля Франции Франциска I.

Франсуаза де Фуа (1495–1537) родилась в знатной семье: отец – Жан де Фуа, виконт де Лотрек, мать – Жанна д'Эди, графиня де Комменж. Приходясь королеве Анне Бретонской троюродной сестрой, воспитание и образование получила при дворе.

Франсуазе было всего 11 лет, когда она произвела неизгладимое впечатление на Жана де Лаваль-Монморанси, графа де Шатобриана. Он сразу же добился помолвки с ней и еще до венчания увез к себе в Бретань. В итоге через два года 13-летняя Франсуаза родила дочь. Ее назвали Анной, и прожила она всего 13 лет. По закону того времени обвенчаться можно было лишь после достижения 14-летнего возраста, так что под венец Франсуаза пойдет лишь в следующем, 1509 году, фактически с ребенком на руках.

Лишь после родов и бракосочетания Франсуаза окончательно оформилась как женщина. Она была брюнеткой безупречной красоты. От ее восхитительных форм, от походки и каждого ее жеста исходила магия манящей женственности. Само выражение «Бретонская роза» возникло во французском языке с появлением в обществе графини Шатобриан.

По характеру она была тверда и настойчива, но насилие ей претило. Естественная заботливость и внимание по отношению к близким людям не мешали ей быть разборчивой и рассудительной с окружающими. Родственные отношения для Франсуазы – безусловный приоритет. Долг и достоинство – ее базовые ценности. И душой, и телом Франсуаза являлась образцом эстетики. В ней покоилось чувство меры, вкуса, гармонии. Такая женщина не может не восхищать – в двадцать лет о ней уже говорили все, от Бретани до Парижа. Донеслись эти слухи и до короля.

С некоторых пор Франциск так часто стал отмечать упоминания в обществе о некой «Бретонской розе», что ему стало казаться, будто он один только ее и не видел. И он настойчиво попросил графа де Шатобриана не жадничать, а представить августейшему взору свое сокровище. Графу очень не хотелось это делать, но пришлось – шила в мешке не утаишь. Он тянул с этим как мог, целый год отбивался, но в конце концов доставил Франсуазу ко двору.

Король не остался в долгу. Поняв, как важно для Франсуазы использовать свое влияние в обществе для блага семьи, родных и близких, он раздал по должности всем, кого она назвала. Граф стал командиром роты, брат – губернатором в Милане, все остальные тоже пошли на повышение. В итоге Франсуаза всех облагодетельствовала и с чистой совестью стала фавориткой короля Франции.

25 апреля 1519 года Франсуаза де Фуа с мужем были приглашены королем на крестины его сына, церемония состоялась в Амбуазе. Ее место оказалось в одном ряду с принцессами, а это очень много значило. Всем окружающим, и в первую очередь придворным, было тем самым показано, как высоко ценит король эту особу. Такой чести могла быть удостоена только фаворитка.

Была у этой медали, конечно, и обратная сторона: влияние Франсуазы на Франциска стало так сильно, что даже у матери короля пробудило ревность. К тому же она была женщиной старой закалки и привселюдная демонстрация сыном своей любовницы при живой жене претила Луизе Савойской. Она хотя и была плоть от плоти придворной жизни со всеми ее прелестями, но такая «прелесть», как «фаворитка», ставшая при французском дворе уже просто-таки социальным институтом, не вызывала в ней понимания. Особенно когда это затронуло ее лично. Королева стала делать все для того, чтобы имя графини де Шатобриан никогда более не упоминалось рядом с именем Франциска. Ее желание крепло по мере приложения

усилий и достигло такой формы чисто женской ненависти, когда она уже даже была согласна с самым положением вещей: пусть у короля будет фаворитка, но только не эта! Кто угодно, только не она!

Середина XVI столетия – это время бесконечных войн для Франции. Страна воевала на всех фронтах: с Англией, Германией, Испанией, Италией. 24 февраля 1525 года французская армия потерпела весьма болезненное поражение от испанцев в битве при Павии. Франциск I был дважды ранен, пленен и фактически взят у Франции в заложники. Начались затяжные переговоры с Испанией о возвращении короля. Почти год французы с испанцами не могли договориться о сумме выкупа и остальных условиях подписания мирного договора. Лишь 14 января 1526 года Франциск его подписал. Все это время длилась переписка Франсуазы с королем, они не забывали друг о друге.

Без короля Франсуаза не имела никакого веса при дворе. К встрече освобожденного Франциска ее не допустили. Луиза Савойская решила воспользоваться этим шансом на все сто: она сама представила сыну его будущую фаворитку – прелестную 18-летнюю Анну де Писсле. Луиза угадала со своим выбором, в последовавшей затяжной борьбе за внимание короля Франсуаза проиграла более молодой сопернице и вернулась в свое поместье в Бретани. С Франциском у нее будет еще лишь несколько недель счастья – в 1532-м, когда они встретятся вновь.

Через пять лет ее не станет. Дата смерти вместе с эпитафией Клемана Маро высечена на надгробии в церкви тринитариев в Шатобриане: 16 октября 1537 года. Несмотря на этот факт, Францию еще долго будоражили слухи о кровавой расправе ревнивого мужа графини Жана де Лавалья над Франсуазой. Якобы он ее полгода держал в темнице, а потом убил, порезав вены. Этому посвящены даже исторические исследования, в которых утверждается, что граф откупился от обвинений в убийстве.

Мария Болейн

Известная придворная дама в Англии XVI столетия, чья сестра стала королевой, впоследствии обезглавленной мужем. Сама же Мария (1499–1543) успела побывать и в Англии, и во Франции, и везде, где бы ни появлялась, была принята тамошними королями с радушием, превышающим обязательный этикет. Успев за свою жизнь побывать в фаворитках сразу двух королей, Мария и о семейной жизни не забывала: дважды замужем, четверо детей.

В графстве Норфолк есть городишко Бликлинг-Холл. Именно там рождаются такие яркие личности. Хотя выросла Мария уже в Кенте, в замке семьи Болейн. В крови отца Марии Томаса Болейна не было голубого красителя, тем не менее он смог добиться такого положения при королевском дворе, которое позволяло ему устраивать дела своей семьи. По линии же матери, Элизабет Говард, чего стоит один только неутомимый радатель семейных дел Томас, ставший герцогом Норфолком. Во многом именно благодаря ему Анна, младшая дочь в семействе Болейн, станет королевой.

В сравнении со своей сестрой Мария красивее безусловно. У нее покатые плечи, которые всегда горделиво расправлены; сильные, но изящные руки с крупными кистями и ухоженными пальцами; длинные стройные ноги с маленькими ступнями; тонкая талия. В некотором смысле она немного непропорциональна, но хороший вкус в заказе одежды позволяет ей скрашивать эти недостатки. У Марии лицо вытянутой, овальной формы, с широкими скулами и бледной кожей, на которой редко появляется румянец, а также длинная, лебединая шея. У нее красивые темно-каштановые волосы, которые выются и тщательно ухожены, длиной чуть ниже лопаток. Чаще всего они распущены, либо же пряди по бокам от лица скручены в жгуты и соединяются сзади в маленьком узком хвосте. Такого же цвета, разве что чуть более синеватого оттенка, и густые брови Марии, которые имеют особенность взлетать вверх, «сминая» невысокий лоб в морщинки. Большие светло-зеленые глаза в обрамлении ресниц смотрятся просто потрясающе, когда пухлые губы растягиваются в улыбке.

Отношения между Марией и ее сестрой Анной были теплые, но далеко не самые близкие, как у настоящих сестер. Разница в возрасте была слишком велика. Мария поддерживала более тесные отношения с братом Джорджем, который также видел ее нечасто. Тем не менее Мария любила свою семью так, как только можно было любить родных.

Доброжелательная, воспитанная в лучших традициях, Мария была развита и этически, и интеллектуально. Уступчивая и мягкая, она была чиста и непорочна. Мария выглядела скромной, благородной красавицей. Любила простой домашний уют – никогда бы и не подумала жить при королевском дворе. Но жизнь распорядилась по-другому.

Ей было 12 лет, когда отец добился для нее места среди фрейлин Марии Тюдор, сестры короля, которая направлялась в Францию для бракосочетания с Людовиком XII. Мария попала во Францию, в Париж. И зарекомендовала себя так, что, когда после смерти Людовика на трон взошел Франциск I, лишь ее из всей свиты Тюдор захотели оставить при дворе. Возможно, конечно, благодаря отцу, который к тому времени был уже английским послом во Франции.

Думается, Франциск не обошел ее вниманием, поскольку документально зафиксирован его отзыв о Марии: «Большая любительница приключений, самая бесстыжая из всех».

Это, наверное, и стало причиной ее отъезда в Англию, когда приехавшая из Нидерландов сестра Анна осталась во Франции. Родители, вероятно, испытывали некоторое беспокойство относительно поведения старшей дочери, так что получение должности фрейлины у королевы Екатерины Арагонской стало для них настоящим успокоением.

Так Мария оказалась при дворе короля Англии. Престол в те годы занимали Генрих VIII и Екатерина Арагонская, фрейлиной к которой и была призвана Мария. При дворе она провела десять лет, результат – два ребенка от Генриха VIII, которых король не признал.

Мария Болейн стала любовницей короля, который скоро пресытился ею, а когда она забеременела, по-быстрому отправил в деревню, где она и осталась.

Спустя год после возвращения в Англию Мария вышла замуж за Уильяма Кэри, состоятельного дворянина и весьма приближенного к королю человека – этот брак выглядел очень выгодным для семьи Болейн. На церемонии присутствовал Его Величество. Видимо, тогда он и заметил Марию. Сколько длились эти отношения – несколько месяцев или даже пару лет, неизвестно. Ходили неподтвержденные слухи, что первый потомок Болейн, Екатерина Кэри, была незаконнорожденной дочерью короля Генриха VIII, поскольку родилась во время его активных отношений с Марией Болейн. Генрих Кэри, второе дитя Марии, – тоже, скорее всего, ребенок Его Величества. Многие свидетели смели утверждать, что он как две капли воды похож на короля.

Еще до рождения первого чада Марии Анна Болейн вернулась в Англию и сразу завоевала большую популярность. Сестры редко общались, Анна интересовалась тем, что не привлекало Марию. Король заметил Анну и предложил ей стать его фавориткой, но та отказалась. Пожалуй, благодаря уму и расчетливому нраву молодая женщина более успешно манипулировала королем, который воспылал к ней непреодолимой страстью. С помощью виртуозной игры в социальных кругах сестра Марии добилась развода короля с Екатериной Арагонской.

Муж Марии скончался, и король Генрих поручил Анне заботу о детях Марии, которые были в результате устроены в престижную монастырскую школу. Томас Болейн не интересовался тем, как идут дела у его первой дочери, лишь Анна проявила заботу и назначила ей небольшую пенсию – сто фунтов стерлингов.

Через год после того, как Анна была коронована, Мария тайно вышла замуж за Уильяма Стаффорда. Это был брак по любви, заключенный в тишине, никто не был оповещен. Королевский конюх Уильям Стаффорд не блистал ни положением в обществе, ни деньгами – семья королевы Англии ни за что не дала бы согласие на подобный брак. Когда Болейны узнали об этом союзе, пару выгнали со двора. Выгнала сама Анна.

Жить было сложно, финансового обеспечения не было. Мария даже обратилась за помощью к кардиналу Томасу Кромвелю, чтобы тот заступился за нее перед королем и королевой, но Генрих VIII остался равнодушным к судьбе Марии. Кромвель по просьбе женщины обратился к ее дяде и отцу, но они тоже не отреагировали. Лишь Анна отправила Марии большую золотую чашу и немного денег, но приписала, что появляться при дворе ей не надо. Все-таки это было примирение и, похоже, единственный контакт Анны и Марии вплоть до дня казни последней.

До этого страшного дня у Марии появилось еще двое детей – Энн и Эдвард Стаффорд. Ни Мария, ни ее дядя Томас Говард не захотели посетить Анну и Джорджа Болейн, когда те были приговорены к смерти через обезглавливание и ждали своей участи в каменном мешке Тауэра.

После смерти родителей Мария унаследовала собственность Болейнов в Эссексе, где, очевидно, и прожила остаток своих дней в благополучии и мире с мужем. Умерла она в возрасте сорока четырех лет 19 июня 1543 года.

Такой была судьба Марии Болейн – прекрасной кроткой девушки, волею рока вовлеченной в драматический политический спектакль.

Диана де Пуатье

Диану де Пуатье (1499–1566) можно назвать выдающимся политическим деятелем Франции середины XVI века. С момента прихода к власти Генриха II 31 марта 1547-го до самой его смерти в 1559 году Францией впервые в ее истории управляла фаворитка короля, и стране это пошло только на пользу. Так что правильное направление в свое время выбрали предшественники Генриха на престоле: фаворитка для Франции – это больше, чем удовольствие короля и его шалость, фаворитка – это социальный институт, сыгравший в истории государства свою незаменимую роль.

Диана родилась в семье великого сенешаля Франции Жана де Пуатье, сеньора де Сен-Валье. Едва девочке исполнилось 13 лет, как она уже была не только засватана, но и выдана замуж за отпрыска незаконнорожденной дочери Карла VII и его фаворитки Агнессы Сорель. Мужа звали Луи де Брезе, граф де Мольврье. Супруги прожили вместе 18 лет. 23 июля 1531 года Луи не стало. С этого дня до самой смерти Диана не снимала с себя траур по мужу, одеваясь лишь в черное и белое. Но она была прекрасна даже в трауре! Когда ее отца, мятежника, выступившего на стороне заговорщиков против престола, приговорили к казни, Диана добилась аудиенции у Франциска I и бросилась ему в ноги с мольбами о помиловании. Франциск не выдержал этого напора, этой божественной красоты в слезах и простил своего недоброжелателя. Возможно, Диана была признательна королю, история об этом умалчивает. Но даже если так, дальнейшие события показали, что эта женщина была героиней не его романа. Ей суждено было сыграть особую роль в жизни его сына, герцога Орлеанского, который станет королем Франции через 16 лет.

В 1525 году Франция потерпела весьма чувствительное поражение от испанцев в сражении при Павии. Франциск I был взят в плен. После подписания кабального для французов Мадридского договора король вернется, но в качестве гарантии выполнения своих условий испанцы потребуют в заложники детей короля. Маленькому Генриху было всего 6 лет, когда его проводжали в Испанию. Самым ярким впечатлением того дня стала для него прекрасная Диана, которую он видел впервые и которая его поцеловала на прощание в лоб. Ни разница в возрасте в 19 лет, ни тот факт, что Диана была чьей-то женой, не могли поколебать мечту Генриха и его решимость по возвращении из плена, который длился целых 10 лет, найти эту женщину и жениться на ней. Все десять лет он только этой мечтой и жил.

Мечты сбываются! Воплотив свои планы в жизнь, Генрих из солидарности со своей любимой до конца дней одевался только в черное и белое, а своим вензелем сделал буквы D и H – Диана и Генрих.

После смерти своего старшего брата Франциска Генрих становится дофином – престолонаследником – и в 1547 году после кончины отца принимает корону Франции. С этого момента Диана де Пуатье фактически приходит к власти. Какое-то время ей пришлось укреплять свое влияние при дворе в противоборстве с фавориткой бывшего короля герцогиней д'Этамп. Герцогиня была на 10 лет моложе и называла Диану «Старый гриб». Ее сторонники распространяли слухи, что старший брат Генриха не просто так ушел из жизни, это Диана его отравила. Придворные разделились на два лагеря: за герцогиню д'Этамп и за Диану де Пуатье. Одни живописцы и поэты воспевали в своих творениях Диану, другие – герцогиню, в итоге культура обогатилась шедеврами искусства таких мастеров, как Приматиччо и Бенвенуто Челлини. Но все эти интриги уже не имели особого значения, фактически Диана была прекраснее и умнее своей соперницы, так что победа ее была предрешена. Потом, добравшись до штурвала, Диана всех недоброжелателей сбросит за борт. Герцогиня и ее неутомимый подлиза министр финансов Бояр окажутся первыми в этом списке. Многие станут называть Диану мстительной – видимо, как раз те, кто все это время страстно желал ее унижения.

Любопытно, что официальная королева Екатерина Медичи в этой борьбе вообще не рассматривалась как соперница. Они с Дианой были в прекрасных отношениях, последняя даже следила за детьми королевы, но Екатерина жила своей жизнью, у нее был свой круг общения, где она проводила все время и ни в жизнь мужа, ни в жизнь государства не вмешивалась. Реальная власть при французском дворе в то время формировалась, как видим, не августейшими особами, а их любовницами. Видя это, придворный хронист Пьер Брантом выразился как нельзя точнее: «Французский народ должен молить Бога, чтобы никогда не было фаворитки хуже, чем эта».

И вот Диана взяла в свои руки все рычаги управления государством. От нее зависели все: министры, парламентарии, заключенные, торговцы, судьи, армия. Она раздавала должности, казнила и миловала. Генрих был счастлив, он называл себя ее слугой и гордился этим высоким званием! Для короля Франции был только один закон – воля Дианы, его повелительницы.

Ознакомившись с тем, что творится в государстве, Диана приступила к кадровой политике. Первыми полетели со своих должностей канцлер и премьер-министр. Не остались без внимания фаворитки короля ни парламент, ни королевский совет. С 1550 года ее власть стала безраздельной. Главы государств и дипломатических миссий вели переписку напрямую с ней, а не с Генрихом. Серьезнейшие вопросы мировой политики находились в ведении Дианы де Пуатье. Папа римский Павел III был доволен таким положением вещей.

Он не забывал передать ей свои добрые слова с очередным нунцием, отмечая «ее набожность, благочестие и выдающиеся услуги, которые она оказала Святому престолу при французском королевском дворе».

Такое положение вещей нравилось далеко не всем. Политика Дианы де Пуатье получила весомую критику и современников, и в дальнейшей истории Франции. Флорентийский посол Козимо Медичи не видел в этом ничего хорошего: «Она ведет себя таким образом, что нам остается лишь сожалеть о мадам д'Этамп». Многие обвиняли ее в абсолютизации власти, корыстолюбии, назначении на должности своих любимчиков. Что ж, всем не угодишь. Пожалуй, наиболее весомыми критическими замечаниями в адрес неназванной «королевы» Франции периода правления Генриха II были обвинения в нарушении договора о мире с Испанией и гонениях на протестантов.

В 1548 году она удостоилась титула герцогини Валентинуа, и король заказал известному зодчему Делорму дворец для герцогини. В нем Диана де Пуатье проведет последние годы своей жизни.

Красота Дианы де Пуатье обладала особым свойством: она была неувядающей. Брантом видел ее в последние дни перед смертью и успел записать свое восхищение. Диана – это румянец на щеках жизни. Она никогда не болела, вставала в 6, умывалась ключевой водой, седлала лошадь и отправлялась на прогулку. По возвращении посвящала несколько часов чтению и самообразованию. Ее интересовало все: искусство, политика, философия, литература. Король обмолвился как-то, что именно этим она его очаровала.

Генрих II умер в результате несчастного случая – смертельно ранен на рыцарском турнире. Смерть на дуэли была ему предсказана давно, и не одним астрологом, но принять всерьез такое предсказание никто не мог: король – на дуэли?! Сам монарх улыбался, говоря, что примет как должное любую смерть. И если ему действительно суждено умереть от чьей-то руки, пусть это будет рука достойного человека. Генрих не просто считал себя рыцарем, он был им до мозга костей – не столько монархом, сколько рыцарем. И смерть ему была уготована рыцарская.

30 июня 1559 года в Турнелле король принял участие в состязаниях. Он сам устроил этот 3-дневный турнир – в честь дочери, которую отдал замуж, и торжеств по поводу подписания Като-Камбрезийского мира. Король, как рыцарь с именем своей дамы сердца, одетый в ее цвета – черное и белое, – выехал на арену против графа Монтгомери. Неизвестно, был ли в происшедшем злой умысел, но очевидно, что граф переусердствовал, его копье сломалось о

доспехи Генриха, и обломки полетели тому в лицо, один из них пробил голову, войдя в глаз. Получив помощь лучших врачей, король прожил еще 10 дней и скончался. Увидеться с Дианой перед смертью ему не дали.

Для Дианы все кончилось. Придворная толпа ее терпеть не могла. Екатерина Медичи, подстрекаемая Франциском II, восшедшим на престол после смерти своего отца, вышвырнула ее со двора, не забыв отобрать все драгоценности – королевские подарки. Эти подвески, ожерелья и прочие украшения уже много поколений переходили от одной фаворитки к другой. Диана ответила, что горе, которое она испытывает, слишком сильно для того, чтобы ощутить какую-то досаду по поводу сдачи этой обязательной при дворе амуниции.

Так Диана де Пуатье успела послужить Франции и удалилась на заслуженный отдых. Последние шесть лет своей жизни она провела в спокойной и уютной атмосфере своего замка Анэ, подаренного королем. Замка, строительство и обустройство которого она сама контролировала: обставляла мебелью, выбирала гобелены... Здесь же, в церквушке, ей поставят памятник, который потом перейдет в музей Лувра.

Передав, перед тем как уйти из этого мира, некоторые свои сбережения на строительство больницы, 26 апреля 1566 года Диана де Пуатье, герцогиня Валентинуа скончалась. Ее образ запечатлен во множестве скульптур и полотен художников, а также в романе Дюма «Две Дианы».

Роксолана

Эта рабыня, ставшая женой султана Османской империи в период ее расцвета, показала всем, на что способны славянки.

Роксоланой ее назовут позже в Европе, где со времен Страбона так звали жителей Северного Причерноморья. Настоящее имя нашей героини – Анастасия Гавриловна Лисовская, родилась она в 1506 году в семье священника из города Рогатина на Тернопольщине, то есть, по тем временам, в Речи Посполитой. В поисках живого товара в эти земли постоянно навещались крымские татары. Похищенные доставлялись на невольничий рынок в Крым. Настя попала как раз накануне собственной свадьбы. Ей было 15 лет.

Вопреки расхожему мнению, Роксолана отнюдь не блистала красотой. «Giovane, ma non bella» – дали ей характеристику венецианские купцы. Что означает: «Юна, но не красавица». Однако тот, кому она досталась, наверное, знал, что делает: он повез ее продавать не куда-нибудь, а в Стамбул. И долго стоять на рынке ему не пришлось. Сам визирь султана Рустем-паша заинтересовался ею – он подбирал подарок своему господину.

В середине XVI столетия в Османской империи султанствовал Сулейман I Законодатель. Именно он заслужил наибольший перечень превосходных эпитетов от благодарных потомков и довольных историков. В общем, Насте взамен ее рогатинского жениха достался вполне приемлемый экземпляр: сильный, справедливый, умный, образованный, творческий: среди прочих увлечений – искусства, философско-религиозная мысль, поэзия, кузнечное дело, всех и не перечислить. Тогдашние европейские монархи и в подметки Сулейману не годились.

Правила османского престолонаследия для уха современного европейца звучат дико. За годы владения гаремом из сотен и тысяч барышень у султана накапливалась бездна незаконнорожденных детей. Из них высоким положением пользовались только дети от четырех официальных жен. Престол же наследовал лишь один – первый от любимой жены, остальных, как котят, топили.

Гарем султана по сложности своей организации не уступал институту, где девушек учили отнюдь не только «науке любви». В этом институте преподавали ученые мужи и представители искусств, имели свои рабочие места доктора, костоправы, акушеры, массажисты и другие. Руководил им главный евнух, его должность называлась так: кызлярагассы.

Попав в гарем, Настя получила имя, немало говорящее нам о ее характере и темпераменте. Даже в этой ситуации она показалась всем смеющейся – Хюррем. По дошедшим до нас данным можно судить, что Настя вела себя в Турции, как Маша из мультфильма «Маша и медведь», тем и произвела на Сулеймана впечатление. На первом же осмотре вновь прибывших рабынь она выскочила на середину площадки, залиvisto смеясь. Заткнула рот девушке, демонстрировавшей свои певческие способности, и сама запела народную песню. Дежурный евнух машинально вытащил из кармана шелковый шнурок для удушения и начал проверять его на прочность, ожидая только приказа. Но султан оказался в восторге от такой выходки! И одарил Хюррем своим платком. Это был знак, известный всем: вечером ко мне! Так что вместо шнурка Насте стали готовить одежду для аудиенции у султана. И это в первый же день! Тогда как сотни новеньких ждали этого и готовились месяцами. Для того чтобы попасть к султану, следовало пройти пять ступеней подготовки, и только мать правителя выбирала ему девушку на ночь из «уста» – достигших последнего, высшего ранга. Знай наших!

Обычно у своей избранницы султан спрашивал, чего она хочет, и по мере своих скромных возможностей исполнял просьбу. Услышав ответ Анастасии, султан опешил: она пожелала... посещать его библиотеку. А вернувшись из очередного похода, узнал, что Настя свободно общается на персидском, арабском и турецком, пишет на этих языках и посвящает ему стихи. Султану стало страшно: с кем он имеет дело, а при дворе уже всюду ползли слухи о

«славянской ведьме». Но Сулейману нравилось быть ею околдованным. А в гареме наступили мрачные времена: султан не хотел больше видеть на своем ложе никого, кроме Хюррем. Даже находясь вдалеке от своего дворца, он не прекращал общаться с ней.

«Наконец соединимся душою, мыслями, воображением, волей, сердцем, всем, что я заронил своего в тебе и взял с собой твоего, о моя единственная любовь!» – так заканчивал Сулейман I одно из своих писем к «славянской ведьме». «Господин мой, твое отсутствие распалило во мне негаснущий огонь, – писала в ответ Роксолана. – Пожалей мою страдальческую душу и поспеши со своим новым письмом, чтобы я могла найти в нем хоть малое утешение».

Живя при дворе, Роксолана быстро разобралась в здешних правилах игры и перво-наперво приняла ислам. Главное, чем она отличалась от прочих невольниц, – она была не куплена, а подарена. Это означало, ни много ни мало, что она свободна и могла стать женой правителя. В конце концов Сулейман женится на ней и назовет главной женой, своей хасеки – «милой сердцу». Для Османской империи, да и вообще во всем мире, это было невиданно и неслыханно: рабыня добивается престола и наравне с правителем участвует в государственных делах – принимает иноземные делегации, глав дипломатических миссий, ведет деловую переписку, курирует искусства и протектирует их представителей. Ревностное исполнение мусульманских обрядов вызывало к ней уважение у придворной знати.

За всеми этими делами султанша успевает управляться и со своими прямыми обязанностями жены. Она дарит Сулейману одного за другим пятерых здоровеньких детишек: Мехмеда, Селима, Баязида, Джихангира и малышку Михримак. Как бы ни была приближена Лисовская к престолу, положение ее все равно оставалось весьма шатким. Молодость не вечна, красивых девушек в гареме много – рано или поздно Сулейман захочет другую. Чтобы закрепить раз и навсегда, необходимо было сделать своего сына прямым наследником престола. Но таковым считался Мустафа, сын Гульбехар. Значит, надо пользоваться своим положением, пока его у тебя не отняли. Пока не оказалась в мешке с кошками и змеями (так избавлялись в гареме от надоевших султану жен и наложниц).

Когда подросла дочь, Хюррем начала действовать. Она предложила Рустем-паше взять ее в жены. Тот пользовался исключительным положением при дворе, будучи вдобавок ко всем своим преимуществам еще и воспитателем Мустафы. Ну кто же откажется от предложения породниться с султаном – ведь Хюррем не кто-нибудь, а официальная жена!

Отныне у Лисовской была вся свежайшая информация из первых рук. Это понимал и Сулейман. А значит, можно было пойти на блеф. В те годы политическая жизнь при дворах правителей изобиловала заговорами, мятежами, попытками свержения, так что десять-пятнадцать лет спокойной жизни у трона было уже благом, но после этого срока следовало обновлять состав приближенных: в тихом омуте могли завестись черти. Видимо, Сулейман доверял своей возлюбленной больше чем кому бы то ни было, ибо поверил не своему визирю и первой жене, но ей. Именно эти двое, Рустем-паша и Гульбехар, по утверждению Роксоланы, готовили покушение на жизнь падишаха, чтобы посадить на трон Мустафу.

Перенеся жуткие пытки, Рустем, видимо, не выдержал и признался во всем, что было и чего не было. Сулейман распорядился отрубить ему голову. Но на этом останавливаться было нельзя, Лисовская пошла дальше и сумела так оговорить перед падишахом его детей, что он их всех вместе с Мустафой предал смерти. Их удушили шелковым шнурком. Мать детей черкешенка Гульбехар тронулась рассудком и умерла. Валиде Хамсе, мать султана, с ужасом смотря на происходящее, не смогла не вмешаться, на ее глазах происходило истребление семьи. Вскоре ее нашли бездыханной – отравление!

Наконец путь к трону был расчищен. Первым наследником стал сын Сулеймана и Роксоланы Селим. Но Лисовская уже, видимо, не могла остановиться. По ее распоряжению были найдены и лишены жизни и все внебрачные отпрыски султана. На всякий случай. Мало ли: сегодня внебрачный, а завтра официально признан. Даже другие сыновья самой Роксоланы

были найдены задушенными. Поневоле задашься вопросом: а не причастна ли к их смерти сама мать, ведь Селим был ее любимчиком.

«Еще не было в оттоманском дворце другой женщины, которая бы имела такую власть», – выразился о Роксолане Наваджеро – посол Венеции в Стамбуле. Пожалуй, это еще мягко сказано.

Селим II будет править с 1566 по 1574 год и останется в истории как Селим Пьяница. Любимый сын Хюррем в нарушение Корана заливался вином до потери пульса. В конце концов однажды пульс исчез. Но сама Хюррем этого уже не увидит. Займет ли ее обожаемый Селим турецкий трон, Роксолане не дано было узнать: около 1558 года она умерла.

То, что совершила Анастасия Лисовская, не имеет аналогов в истории. Попасть из тернопольских лесов в Стамбул – это было все равно что на другую планету. И на этой планете, где все чуждо: воздух, язык, религия, нравы, – ощутив себя невольницей, оказавшись в полной изоляции и неизвестности, поймать кобру судьбы за голову, выдавить из ее зуба весь яд и создать свою судьбу своими руками, поднявшись на вершину господства над теми, чьей невольницей считалась еще так недавно, – это ли не мастер-класс по управлению действительностью и обстоятельствами своей жизни!

Перед смертью Роксолана распорядилась снести невольничий рынок, на котором когда-то стояла, как лошадь, выведенная на продажу. На этом месте теперь стоят мечеть, приют с клиникой и мусульманская школа, медресе, – целый район называется Хасеки, «милая сердцу».

Анна д'Этамп

Анна де Писле, де Эйи, по мужу д'Этамп (1508–1576), – одна из тех фавориток, что запомнятся Франции надолго. Достаточно сказать, что из-за нее была начата война, принесшая множество жертв и закончившаяся унижительным для французской короны мирным договором.

Занималась выдвижением на первые роли Анны де Писле сама королева-мать Луиза Савойская. Она была заранее против любого самостоятельного выбора своего сына и считала, что лучше знает, какие девушки ему нравятся. Когда Франциск I вернулся из испанского плена после проигранного сражения при Павии, мать представила ему 18-летнюю красавицу. Луизой владела не вполне обоснованная ненависть к мадам де Шато-бриан – любимой фаворитке Франциска. Единственной ее целью было убрать Франсуазу с глаз долой.

Луиза не ошиблась. Госпожа д'Этамп при дворе оказалась как рыба в воде, эта среда позволила ей проявить и развить свои врожденные таланты, главными из которых были умение плести интриги и немалые драматические способности, неоднократно испытанные на малодушном монархе. Красавица и умница, Анна завладела тронном настолько, насколько им владел король.

Анна де Писле родилась в многодетной семье обедневшего дворянина Гильома де Писле де Эйи и Анны Сежен. К 18 годам она полностью оформилась и выглядела просто шикарно. «Надо только представить себе, – говорил Дре дю Радье, – юную особу семнадцати-восемнадцати лет, прекрасно сложенную, блеск молодости которой усугубляется прекрасным цветом лица, живыми глазами, полными огня и сообразительности, и перед вами предстанет мадемуазель де Эйи, в том что касается ее внешнего облика. Что касается ее ума, он был не только приятным, тонким и игривым, но также основательным, обширным и чутким к красотам искусных творений. За ней даже закрепилась репутация самой образованной среди красавиц и самой красивой среди образованных».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.